

ВСЕ В ШОКОЛАДЕ



ТАТЬЯНА  
ПОЛЯКОВА



авантюрный детектив

Ольга Рязанцева

Татьяна Полякова

**Все в шоколаде**

«ЭКСМО»

2002

**Полякова Т. В.**

Все в шоколаде / Т. В. Полякова — «Эксмо», 2002 — (Ольга Рязанцева)

ISBN 5-699-01910-3

Убита стриптизерша ночного клуба, затем прямо во время выступления – вторая. Но убийцу интересуют не одни только девушки: следующая его жертва – юный сын известного в городе бизнесмена. И этим преступник не ограничивается – жертв становится все больше. Ольга Рязанцева – специалист по решению конфиденциальных проблем – вынуждена заняться этим делом, ведь оно напрямую касается ее босса и покровителя. Копаться в чужом белье не только неприятно, но и опасно. Особенно становится жарко, когда к делу подключается приезжий киллер. Кто он – друг или враг? В конце концов Ольга оказывается перед выбором: погибнуть или примкнуть к стае хищников. Она делает выбор. И тогда все встает на свои места.

ISBN 5-699-01910-3

© Полякова Т. В., 2002

© Эксмо, 2002

## Татьяна Полякова

### Все в шоколаде

Телефонный звонок разбудил меня в три часа ночи. Я с трудом подняла голову, включила настольную лампу, взглянула на часы и чертыхнулась. Затем перевернулась на спину и с тяжким вздохом закрыла глаза, надеясь, что кому-то надоест названивать и он отправится к чертям собачьим. Тщетно. Звонивший твердо вознамерился поднять меня среди ночи. Я села в постели, потрясла головой, силясь прийти в себя, и с большой неохотой сняла трубку.

– Привет, – услышала и едва не застонала от отчаяния, потому что, конечно, узнала голос, а заодно поняла: произошло нечто неприятное, и это еще мягко сказано. Звонил Волков, а у него приятных новостей для меня не бывает.

– Привет, – ответила я и опять тряхнула головой, пытаюсь привести мысли в порядок. Этому сильно препятствовала головная боль, обычная вещь, если накануне выпить лишнего. Домой я отправилась после двенадцати, выходит, спала часа два, не больше, и теперь вряд ли смогу досмотреть свой сон. Впрочем, он того и не заслуживал.

– Тебе стоит приехать, – без энтузиазма продолжил Волков.

– Что у тебя?

– Пока ничего, но геморрой я уже предчувствую.

– А поконкретней?

– Пожалуйста. Убийство. Девка двадцати двух лет. Шлюха из дорогих. Адрес: Вторая Советская, дом 36, квартира 215.

– Но ведь не из-за этого ты поднял меня в три ночи? – возмутилась я.

– Конечно, нет. Твой покой – для меня святое. И если я говорю о геморрое, значит, он не замедлит появиться.

– Вот черт, – пробормотала я. – Сейчас приеду. – Повесила трубку и, слегка постанывая, прошла в ванную.

Для начала я сунула голову под холодную воду, потом включила душ и, жалобно повизгивая, немного постояла под ледяными струями. Растерлась полотенцем, прошла в кухню, достала из холодильника сок и залпом выпила пол-литра, не ощущая вкуса. Не скажу, что пришла в норму, но жить стало легче. Рука потянулась к пачке сигарет, однако я вовремя одумалась и отшвырнула пачку подальше, не то все мои труды пойдут насмарку. Окинула кухню критическим взглядом и поморщилась: придется нанимать домработницу, пока квартира окончательно не заросла грязью.

С этой мыслью я вернулась в гостиную, где спала, так и не добравшись до спальни, взглянула на свой костюм и лишь покачала головой, потому что не удосужилась повесить его в шкаф – он валялся на полу в весьма плачевном виде.

– Пить надо меньше, – наставительно изрекла я, надеясь, что прислушаюсь к мудрому совету, перевела взгляд на часы и заторопилась: натянула джинсы, свитер, нашла в шкафу кроссовки, которые не мешало бы вымыть, прежде чем убирать в шкаф, и, прихватив куртку, спустилась в гараж. Здесь меня ждал сюрприз: вмятина на правом крыле. В общем-то, «Мицубиси» и до того момента выглядел паршиво, так как хозяйка ему досталась хуже некуда. Но вчера этой вмятины я не заметила и сейчас, хмуро ее разглядывая, пыталась понять, откуда она взялась, то есть где и как я умудрилась ее заработать.

– Чудеса, – буркнула я.

Ночью, когда я покинула бар, вмятины вроде бы не было. Или была? Отправляясь домой, я подошла к машине со стороны водителя и это крыло не видела. Выходит, какой-то сукин сын помял мне машину, пока я прохлаждалась в кабаке. Ну и поделом мне, надо оставлять машину на стоянке, а не бросать в темном переулке.

Я выехала из гаража, закрыла ворота и по привычке огляделась. Дом насчитывал восемь квартир, лишь в одном окне горел свет. В первой квартире жил отставной генерал, и по ночам ему не спалось. Он возник в окне, напряженно вглядываясь в темноту. Открыв стекло, я помахала ему рукой. Всегда приятно сознавать, что кто-то и среди ночи на боевом посту. Он мне ответил, но от окна не отошел, провожая взглядом мою машину. Наверняка запомнил, в котором часу я отъехала от дома, а вот спроси, зачем ему все это, вряд ли сможет ответить.

Однако через минуту я и думать забыла о соседе. Вторая Советская находилась на другом конце города. Ночью, когда движение практически отсутствует, а стражи порядка дремлют, я преодолела это расстояние за двадцать минут. Правда, свернула не на том светофоре и выехала на Первую Советскую, чертыхнувшись и, немного поплутав среди совершенно одинаковых домов, наконец смогла найти нужный адрес.

Дом был двенадцатиэтажный, длинный, серый и явно требовал ремонта, хоть и был построен недавно. Возле четвертого подъезда стояли две милицейские машины и ядовито-желтые «Жигули» последней модели. Виктор Павлович Волков слыл человеком положительным и даже консервативным, но мог иногда удивить неожиданной тягой к яркой цветовой гамме.

Я притормозила рядом с «Жигулями» и увидела самого Волкова. Он стоял возле подъезда в тени козырька и курил. Заметив меня, пошел навстречу. Я выбралась из машины и кивнула. Свет фонаря освещал пространство перед подъездом. Волков взглянул на меня, скривился и не придумал ничего лучшего, как заявить:

- Паршиво выглядишь.
- Спасибо.
- Нет, серьезно. Может, стоит завязать с выпивкой?
- Кому бы говорить, – фыркнула я.
- Когда пьет мужчина, это нормально, а вот когда женщина...
- Отвали, а? Когда я работаю, то о выпивке забываю.
- Надо посоветовать Деду завалить тебя работой.
- Не думай, что моя жизнь вечный праздник.
- В ближайшее время праздник точно не ожидается.
- Ну, так что тут за геморрой? – проявила я интерес.
- Сама увидишь...
- Может, ты наконец скажешь, на кой черт вытащил меня из постели?
- Все самое интересное на потом, – хмыкнул Волков. – Для начала взгляни, что там.
- А надо? – усомнилась я.
- Надо, – серьезно кивнул он.

Мы вошли в подъезд и поднялись на второй этаж. На лестничную клетку выходили двери четырех квартир. Одна была приоткрыта, рядом стояли двое мужчин и три женщины среднего возраста с испуганными лицами, должно быть, соседи. При виде нас они посторонились, мы вошли в прихожую, и Волков сказал:

- В комнате...

Я сделала еще несколько шагов. Квартира однокомнатная, правда комната большая, метров двадцать пять. Использовали ее одновременно как гостиную и как спальню. Тяжелые шторы на окнах задернуты, у противоположной стены низкая тахта, застеленная ковром с парчовыми подушками, антикварная мебель, за китайской ширмой кровать с деревянными спинками: приобретенная в недорогом магазине, она выглядела здесь как нечто инородное. Возле кровати стояли двое мужчин в штатском и что-то лениво обсуждали. Еще двое, на первый взгляд бесцельно, двигались по комнате, молодой человек в очках, насвистывая, снимал отпечатки пальцев с двух бокалов чешского стекла, стоявших на низком столике. На полу у его ног валялась бутылка коньяка. Парень оглянулся, увидел меня и кивнул:

- Привет.

– Здравствуйте, – громко сказала я. Теперь все присутствующие обратили на меня внимание и недружно ответили:

– Здравствуй.

– Представлять друг другу вас не надо, – сказал Волков. – Дело у нас, скажем прямо... В общем, Ольга Сергеевна будет помогать нам по мере сил.

На лицах мужчин появились ухмылки, от которых они тут же поспешили избавиться и кивнули как ни в чем не бывало, только очкарик продолжал свою работу, радостно улыбаясь мне. Я покопалась в своей памяти и вспомнила, что парня зовут Вячеслав, отчество не помню, да оно и ни к чему. Нас познакомил Волков этой зимой на торжественном вечере, посвященном какой-то очередной годовщине. Я поздравляла собравшихся от имени фонда «Честь и достоинство», который основал Дед (он был просто помешан на всяческих фондах, они росли как грибы после дождя, и во всех этих фондах я кем-нибудь числилась, неизменно выступая на различных торжествах в роли свадебного генерала). Двоих из присутствующих мужчин (не считая Волкова) я знала неплохо, еще одного если и видела раньше, то сейчас припомнить не могла. На меня же они взирали так, точно знали всю мою подноготную, как оно скорее всего и было.

– Не желаете взглянуть? – кивнул один из них на кровать. Я подошла ближе. Мужчины посторонились, а я на мгновение зажмурилась. Конечно, труп – это труп и ничего приятного увидеть я не ожидала, но этот прямо-таки вызвал у меня шок. Я потеряла переносицу и заставила себя открыть глаза. Мужчины молча ждали. Я кашлянула, словно извиняясь, и перевела взгляд на убитую. Сейчас трудно было определить, сколько ей лет. Выглядела она ужасно: глаза вылезли из орбит, из открытого рта торчали скомканные доллары, вокруг шеи девушки был обмотан чулок, голова ее была приподнята и странно вывернута, конец чулка закреплен на спинке кровати. Скорее всего ей сломали шею. Но этого убийце показалось мало, и он зачем-то разрезал ей живот, и не просто разрезал, а аккуратно разложил содержимое на кровати с двух сторон от трупа. Постель была густо перепачкана кровью, а на стене, прямо над головой убитой, привет от свихнувшегося ублюдка: крупные буквы тоже кровью – «Сука».

– Что скажешь? – спросил Волков, подойдя к кровати.

– Впечатляет. – Я поспешно отвернулась.

– Вот-вот. Соображения есть?

– Он псих.

– Само собой. Еще какие-нибудь ценные замечания?

– Замечаний нет, есть вопрос.

– С вопросом обожди. Значит, ничего стоящего тебе в голову не приходит?

Я оглядела комнату, пытаюсь понять, чего от меня добивается Волков. В комнате царил образцовый порядок, если не считать окровавленной постели, надписи да еще бутылки коньяка на полу.

– Она не сопротивлялась? – вопросительно заметила я.

– Никаких следов борьбы. Одежда на убитой отсутствует, за исключением гипюровых трусиков.

– На честь девушки не посягали?

– На это ответит специалист, но я уверен: он ее не изнасиловал.

– Почему он, а не она? – спросил Славик, подходя ближе.

– Что-то я не слышала о маньяках-женщинах, – заметила я с усмешкой, – а это работа маньяка.

– Не скажи, – покачал головой Волков. – Надпись видишь?

– Ревность?

– Почему бы и нет?

– Тогда пошарь среди ее дружков. Кому-то не нравилось, как девушка проводит время, и он внес в это свои коррективы. Как ее зовут?

– Кудрина Алла Дмитриевна. Танцовщица в ночном клубе «Пирамида». Чем они там на самом деле занимаются, тебе лучше знать.

Я нахмурилась, начиная понимать, почему Волков поднял меня среди ночи. «Пирамида», как и многое в этом городе, принадлежала Деду, неофициально, конечно. Однако, хоть Дед и отрешивался от доходного бизнеса и делал вид, что не имеет отношения ни к ночным клубам, ни к многочисленным саунам и массажным кабинетам (он дважды даже выступал с разгромными статьями в газетах о древнейшей профессии и сутенерах в погонах, статьи, кстати, писала я, и цифрам, приведенным в них, можно было верить), так вот, несмотря на все старания Деда откреститься от того, что он, то есть я, в статьях назвал «чумой нашего города», те, кому хотелось знать, знали, что он-то как раз и контролирует данную чуму. Зверское убийство, совершенное явным психом, газетчики вниманием, конечно, не обойдут... Одному богу известно, что они смогут накопать в припадке журналистского рвения. И все это за несколько дней до выборов.

Я непроизвольно поморщилась, а Волков кивнул:

– Вот тебе и геморрой...

Я согласно кивнула: что да, то да. Теперь скверное настроение Виктора Павловича стало мне понятно: с одной стороны, на него будут давить, требуя, чтобы психопат-убийца как можно скорее оказался за решеткой (обыватели впадают в транс при слове «маньяк»), с другой – работать придется с оглядкой, чтоб ненароком не накопать лишнего.

– Сочувствую, – сказала я. Он усмехнулся. – Если не возражаешь, я вас покину, – помедлив, заявила я, присутствующие кивнули, а Волков пошел проводить меня. – Можешь рассчитывать на наше содействие, – заверила я, поспешив утешить его.

– Ага, – хмыкнул он, посмотрел на меня внимательно, точно что-то прикидывая, и вздохнул: – Это не все.

– Что, есть еще труп?

– Хуже. Для меня, по крайней мере.

– Что же может быть еще хуже? – в притворном удивлении подняла я брови.

– Вот это. – Он протянул мне визитную карточку. Золотыми буквами на сером фоне значилось: Кондратьев Игорь Николаевич. Следующие три строчки были мне ни к чему, я сама заказывала в типографии визитки для Деда.

Я взглянула на оборотную сторону. По правилам хорошего тона она должна быть девственно-чистой, если, конечно, владелец не пожелал оставить кому-то несколько слов. Владелец не пожелал, но до девственной чистоты оказалось далеко: карточка была заляпана кровью.

– Она была у девицы? – хмуро спросила я. Происходящее нравилось мне все меньше и меньше – какой, к черту, геморрой, дело много хуже.

– Карточка валялась под креслом.

– А кровь?

– Кресло стоит в трех шагах от постели, если ты соизволила обратить на это внимание. А там все залито кровью.

Мы вышли из подъезда и замерли под козырьком.

– Кто видел карточку? – задала я вопрос, который меня, по понятным причинам, очень беспокоил.

– Я.

– Хорошо.

– Серьезно? – фыркнул Волков. – Может, объяснишь, что ты нашла хорошего во всем этом?

– Не заводись, – миролюбиво попросила я. – Мне это нравится так же, как и тебе.

Мы подошли к моей машине, он взглянул на нее и покачал головой:

– Когда ездить научишься?

– Просто мне не везет.

– Завязывай пить, Ольга. Добром это не кончится.

– Заткнулся бы ты, – от души пожелала я, садясь в машину и намереваясь проститься с Волковым, но он открыл дверь и устроился рядом со мной.

Я ждала, что он скажет, ненавязчиво разглядывая его. Волков выглядел так, как и полагалось выглядеть человеку его звания. Лет сорока пяти, выше среднего роста, с наметившимся брюшком и тем особым выражением лица, которое сразу намекало на его профессию. Он начал сидеть, виски отливали серебром, стригся он коротко, жесткие волосы торчали на затылке, образуя венчик, темные брови, нос короткий и прямой, глаза небольшие и в общем-то невыразительные. Однако Волков умел смотреть так, что под его взглядом становилось как-то неуютно. Не нравился мне только его рот, узкие губы были слишком малы для этого лица, и улыбаться Волков не умел, вместо улыбки на лице появлялась кривая ухмылка, которая шарма ему не добавляла. Становилось ясно: человек этот далеко не прост и характером обладает скорее всего скверным.

Впрочем, ничего такого я за Волковым не знала, уживались мы вполне сносно, даже испытывали друг к другу симпатию. Он производил впечатление честного человека и умело этим пользовался. С Дедом их что-то связывало, но и тот и другой об этом помалкивали, причем оба извлекали из давнего знакомства максимум пользы. У Волкова имелся дом за городом, записанный на жену, и «БМВ», который он не смог бы купить на свою зарплату. Сын его, едва закончив школу, организовал собственное дело, где заправлял, конечно, Волков, хотя и не имел права, исходя из буквы закона. Однако официально директором фирмы был сын, который к тому же носил фамилию матери, так что перед законом Волков был чист. Само собой, его готовность помочь только на пользу Деду. В общем, налицо обоюдовыгодный союз, поэтому меня ничуть не удивило беспокойство в голосе Волкова, когда он опять заговорил.

– Что скажешь?

Я пожала плечами:

– Что тут скажешь? Дед раздает свои визитки по два десятка за день. И то, что она оказалась у этой девицы...

– Вот именно, – хмыкнул он. – Не знаю как тебе...

– Надеюсь, ты не думаешь, что это Дед развлекался, распарывая ей живот.

– Совершенно неважно, что думаю я. Но если о визитке каким-то образом узнают...

– Позаботься о том, чтобы не узнали.

– Спасибо за подсказку, сам бы я ни за что не допетрил. – Он отвернулся, помолчал немного и заговорил вновь: – А если это как-то связано с выборами?

Я не торопилась отвечать, хотя, признаться, не очень-то верила, что кто-то совершил жуткое убийство с единственной целью насолить Деду.

– Давай не будем забегать вперед. Твое дело – следить за тем, чтобы ситуация не вышла из-под контроля.

– А если Дед знаком с девкой?

– Ну и что? С ее профессией она могла знать многих. Возможно, визитку ей действительно дал он.

– И она оказалась под креслом, да еще вся в кровище, вместо того чтобы лежать в ее сумке, в ящике стола, коробке или в вазе, наконец, то есть в том месте, где обычно у людей лежат визитки. С ее стороны было довольно оригинальным запихнуть визитку под кресло. Всем известно, что Дед таскает визитки в кармане... Например, он бросил пиджак на спинку кресла...

– А потом зарезал девушку? – усмехнулась я. – Дед, конечно, не ангел, но как-то трудно представить его в роли мясника...

Волков поморщился:

– Я вовсе не это хотел сказать... Что, если он был у нее? Кто-то воспользовался его приходом и убил девчонку, а визитку оставил нарочно.

– Если она выпала из кармана Деда, то как это мог предвидеть убийца?

– Не говори глупости. Он мог его выследить и...

– Тогда визитка вовсе не выпала из кармана пиджака, ее подбросили нарочно, а если ее подбросили нарочно, то вовсе не факт, что Дед знаком с убитой.

Волков дернул тонкими губами и со злостью посмотрел на меня.

– Я разговаривал с соседями, они несколько раз видели мужчину среднего роста, лет пятидесяти, блондина, с загорелым лицом, всегда в темных очках, голову он держал опущенной вниз, точно опасался, что его узнают.

– Портреты Деда расклеены по всему городу. Да и вообще, человек он известный. Я-то была уверена, что его каждая собака знает...

– Боюсь, так оно и есть. Граждане его узнали, но помалкивают об этом из опасений оказаться в скверном положении.

– Не преувеличивай.

– Я тебя знакомлю с точкой зрения обывателей. Допустим, они его не узнали, то есть это они нам так заявили, но завтра по городу поползут слухи... А я должен найти убийцу.

– Хочешь задать Деду несколько вопросов?

– Нет уж, спасибо. Сама задавай.

– Подумаю над этим, – кивнула я.

– Эта чертова политика... – пробубнил Волков, кивнул мне и вышел из машины.

Я тронулась с места, продолжая размышлять над его словами. Если честно, я здорово нервничала. Конечно, я не могла вообразить Деда в роли маньяка. Человек он решительный, и с моралью у него большие проблемы, но кромсать кого-то ножом... чепуха...

– Чепуха, – вслух повторила я и усмехнулась, а потом и хихикнула, злясь на себя за это.

«Почему бы и нет? – продолжал веселиться кто-то внутри меня. – Он сукин сын, вообразивший себя всемогущим. А вдруг он свихнулся?»

– Это ты свихнулась, – возвысила я голос. – С какой стати ему убивать эту женщину да еще запихивать ей в рот доллары и писать на стене кровью «Сука».

«А почему бы и нет? – вновь подумала я. – Нет, в самом деле. Допустим, он увлекся девчонкой, а она ему изменяла, предположим, он застал ее с любовником...» Никаких следов борьбы, если не считать опрокинутой бутылки коньяка. Такое впечатление, что девица сама разделась и легла в постель, ожидая, что ее осчастливят. Вместо этого ей кто-то накинул чулок на шею, а потом вспорол живот.

Предположим, он не заставлял ее с любовником, а просто узнал о его существовании. Девчонка не подозревала об опасности, и он этим воспользовался. Тебе ли не знать, как он мстителен. Правда, обычно он мстит чужими руками... А если соблазн был чересчур велик? Хватит гадать, сейчас речь не об этом. Визитка, вот твоя головная боль, и показания соседей. Слухи – это несущественно, главное, чтобы не нашелся придурок, который опознает в госте убитой Деда. Если бы не выборы... Вдруг Волков прав и кто-то решил подложить Деду свинью, используя его связь с девчонкой?

– Вот это плохо, очень плохо, – произнесла я и закончила: – Потому что на этом он или они не успокоятся.

Я свернула к дому. Теперь даже генеральское окно не светило. Я въехала в гараж и еще какое-то время сидела в машине, бессмысленно пялясь в лобовое стекло. Потом с неохотой покинула гараж, поднялась на три ступеньки и вошла в коридор. Квартира у меня в трех

уровнях: гараж и просторный холл внизу, на втором этаже кухня, гостиная и столовая, на третьем две спальни. Я даже не могла припомнить, когда поднималась на третий этаж в последний раз. Гостиную я использовала как спальню, кухню как гостиную, столовая вовсе была мне без надобности, как, впрочем, и вся эта квартира. Но Дед рассудил иначе, а я с ним не спорила, точно зная, как это бесперспективно. Квартира досталась ему за гроши, и он не придумал ничего лучше, как подарить ее мне. Само собой, я изобразила восторг по этому поводу, потому что подарок свидетельствовал о том, что Дед любит меня по-прежнему и все у нас с ним ладненько да складненько.

Я прошла на кухню, включая везде по дороге свет, потому что не терпела темноты. В темноте меня посещали призраки. Обычное дело для людей с нечистой совестью, как утверждает Марк, а Марк в таких вещах смыслит. Во всяком случае, я ему доверяла в этом вопросе, потому что сам он всегда спит со светом.

Я включила чайник и немного постояла у окна, опершись на подоконник. Небо серело, но кухонное окно выходило в сквер, и там, в тени деревьев, было еще темно. Я заварила кофе, подумала и достала из холодильника бутылку мартини. Мартини я пью, как пьют водку. Налила полстакана, выпила и закусила куском хлеба. Посидела немного с закрытыми глазами, прикидывая, стоит ли ложиться. Покидать кухню было лень, я расслабленно устроилась в кресле и вроде бы задремала, потом резко подняла голову, взглянула на часы. Пожалуй, придется отправиться в постель. И тут зазвонил телефон. Я стояла и смотрела на аппарат, прикидывая, чего мне следует ждать от жизни. В эту ночь я нарасхват. Не торопясь, я сняла трубку.

– Да.

– Привет, – услышала я хриплый голос, не мужской и не женский. – Как себя чувствуешь? Должно быть, на душе паршиво?

– С какой стати?

– Ведь ты знаешь: это он вспорол брюхо девчонке.

– Какое брюхо? – хмыкнула я, взглянув на определитель номера. Звонок был из автомата. Я схватила сотовый и торопливо набрала нужный номер, боясь, что хриплый прекратит разговор и я ничего не успею.

– Дуру из себя не строй, – весело заявили на том конце провода. – Ты ведь уже видела ее? И знаешь: девку пришил твой любовник.

– Но... – начала я, однако в аппарате раздались короткие гудки. Звонивший бросил трубку. Зато ответил Сережа.

– Чего у тебя? – спросил он хмуро и зевнул.

– Телефонный звонок. Из автомата.

– Чего хотели?

– Весьма информированный гражданин, знает даже то, что ему знать не положено.

– Понял, – ответил Сергей совершенно другим голосом. – Подключу твой номер. Еще что-нибудь?

– Пока ничего в голову не приходит, – вздохнула я и простилась с ним. Швырнула сотовый в кресло и задумалась. Номер моего домашнего телефона есть в справочнике, так что узнать его не проблема, а вот откуда звонивший узнал об убийстве? Оперативно, ничего не скажешь... – Так, – громко сказала я, по привычке начиная размышлять вслух. – Очень может быть, что Волков прав и кто-то решил подложить Деду перед выборами свинью. А если... что, если? Валяй, договаривай, вот сейчас ты подумала, что Дед в самом деле убил ее? Стоп, он не назвал его имени или прозвища, он сказал: «твой любовник». Значит, звонивший осведомлен о наших отношениях... Необязательно. Дед никогда не скрывал, что равнодушен к женщинам, так что логика вполне прослеживается: я на него работаю, значит, я с ним сплю. А если он имел в виду кого-то другого? Кого еще можно назвать моим любовником? Вот черт, ни одной кандидатуры. Впрочем, неизвестно, что обо мне болтают за спиной.

Допустим, он имел в виду Деда... Откуда звонивший узнал об убийстве? Точнее, от кого? Я сняла трубку и набрала номер сотового Волкова.

– Слушаю, – без энтузиазма откликнулся он. Я сообщила о звонке, сподвигнув его на длительное размышление. – Мы все еще на квартире, – сказал он наконец, – при мне никто никуда не отлучался... Хотя могли позвонить еще до моего приезда. Вот что, давай встретимся ближе к обеду и все обсудим. К тому времени у меня будут результаты вскрытия.

– Хорошо, – согласилась я, – жду твоего звонка.

Я прошлась немного по гостиной, затем не раздеваясь легла в постель и постаралась вздремнуть. Звонок неизвестного (хотя, может, неизвестной?) произвел на меня впечатление, что в общем-то странно. Периодически появлялись психи, которые звонили среди ночи с угрозами, а за несколько дней до выборов этому и вовсе не приходилось удивляться. То, что на Деда выльют ушат грязи, не вопрос, мы и сами подготовили две солидные бочки для наших конкурентов. Тогда с какой стати я так нервничаю?

– А нервничаешь ты, уважаемая, по той простой причине, что труп имеет место быть и он вовсе не бред очередного психопата. И ты в самом деле боишься, что Дед имеет к этому отношение, – скороговоркой выпалила я и даже зажмурилась.

Часов до десяти я проваливалась в постели, изводя себя разными мыслями. Толку от этого не было, зато беспокойства прибавилось. Я вышла на кухню выпить кофе, когда вновь зазвонил телефон. Голос Риты, секретаря Деда, я узнала сразу.

– Детка, – торопливо сказала она, поздоровавшись, – он хочет тебя видеть. Сможешь подъехать через полчаса?

– Конечно.

– Поторопись. Дед злой как черт, – перешла она на шепот. – Лучше не опаздывай.

– Постараюсь, – заверила я ее и пошла переодеваться.

Дед терпеть не мог баб в джинсах, о чем и заявлял неоднократно. В офисе дамы не рисковали появляться в брюках. Правда, в жару все дружно облачались в шорты, против них хозяин не возражал. Однако сейчас жары не наблюдалось, поэтому я выбрала темно-синий костюм и белую блузку, тщательно уложила волосы, поморщилась, потому что увиденное в зеркале не очень радовало, и направилась к машине.

Через десять минут я покинула гараж, махнула рукой отставному генералу, который как раз появился на балконе, и выехала на проспект, то и дело поглядывая на часы. Дважды не обратив внимания на красный сигнал светофора, я смогла подъехать к офису вовремя. Охрана внизу выглядела чрезвычайно деятельной, народ сновал из кабинета в кабинет, на лицах читалась решимость совершить трудовой подвиг, словом, работа шла полным ходом, а я поздравляла себя с тем, что благодаря расположению хозяина избавлена от необходимости торчать здесь с утра до вечера. Впрочем, может, это Дед избавил себя от необходимости лицезреть мою физиономию каждый день. Поди разберись.

Я поднялась на второй этаж, кивая в ответ на приветствия, и вошла в приемную. Рита подняла голову от бумаг и приложила палец к губам, призывая к молчанию. Из кабинета Деда доносился мощный рык, который не могли заглушить даже двойные двери. Ритка беззастенчиво подслушивала, совершенно меня не стесняясь. Я плюхнулась в кресло и шепотом спросила:

– Кто у него?

– Черник, – тоже шепотом ответила Рита, продолжая подслушивать. Минут через десять рык стих, а еще через пять минут распахнулась дверь кабинета и показался Черник Артур Петрович, пухлый молодой человек лет тридцати, в светлом костюме, очках в золотой оправе. Его темные волосы прилипли к потному лбу, лицо было багровым, губы подергивались, казалось, он вот-вот разрыдается.

Черник торопливо прикрыл дверь, достал из кармана платок, вытер лицо, покачал головой и сказал, ни к кому не обращаясь:

- Сумасшедший дом...
- По какому случаю лютует? – проявила я любопытство.
- Вас зачем вызвали? – игнорируя мой вопрос, спросил Черник.
- Без понятия.
- Что-то не так, – кусая губы, пробормотал он. – Я думал, может, вы знаете?
- Не больше вашего.

Я поднялась с намерением идти к Деду, но Черник остановил меня:

- Там Нефедов.

Нефедов был ближайшим другом Деда. Их разговор мог затянуться надолго.

- Может, я выпью кофе в баре? – спросила я Риту.
- Лучше здесь жди, – зашептала она. – Кофе я тебе заварю.

Черник между тем схватил графин, налил воды в стакан, выпил и, должно быть, почувствовав облегчение, посмотрел на меня и опять спросил:

- Вы правда не в курсе?
- Может, буду в курсе после встречи с ним.
- Понятно. – Он привычно пожевал губами. – Точно черт в него вселился. Вчера все было отлично, а сегодня прицепился к смете, хотя утверждали ее две недели назад. А я опять виноват... уходить надо, искать другое место... нет возможности работать.

Мы с Ритой переглянулись. Она презрительно хмыкнула, тем самым выражая свое отношение к его словам. Черник работал на Деда лет пять и трижды в неделю собирался уходить, однако в серьезность его намерений никто не верил. Таких денег, как здесь, ему нигде не заработать, да и сама возможность ухода лично у меня вызвала сомнения, так как Черник ведал финансами Деда и прекрасно понимал... В общем, понять было нетрудно.

Глядя на его потную физиономию с затравленным взглядом, я вдруг подумала, что он, возможно, и в самом деле мечтает уйти, хлопнуть дверью, желая потешить свое самолюбие. Если честно, Дед относился к нему по-свински, потому что не уважал бесхарактерных людей, а Черник твердостью характера похвастаться не мог, хотя, по общему мнению, специалистом был от бога. С утра до ночи он сидел в офисе, готовый по первому же требованию предстать перед хозяином, и регулярно получал нагоняй. В тридцать лет у него не было ни семьи, ни друзей. Выпив лишнего, он часто жаловался, что понятия не имеет, куда потратить деньги, которых с каждым годом у него становилось все больше и больше. Впрочем, у меня тоже ни семьи, ни друзей, и деньги тратить я тоже не умею... Так что мы с Черником, можно сказать, родственные души.

– Что-то у нас не так, – с легким всхлипом заявил он, уставившись на меня. Я в ответ пожала плечами. Он поставил стакан, суетливо огляделся и сказал: – Ну, я пошел. – После чего покинул приемную.

- Ему и правда здорово досталось, – заметила Рита.
- С утра было много звонков? – поинтересовалась я.
- Как всегда, – пожала она плечами.
- А с какой стати он решил вызвать меня, не сказал?
- Конечно, нет. С кем-то разговаривал по сотовому, с кем, мне неизвестно, на то и сотовый.
- Откуда знаешь, что разговаривал?
- Я как раз кофе подавала, тут звонок.
- Звонившего по имени не назвал?
- Нет. Я бы запомнила. Через пять минут велел позвонить тебе.
- Понятно, – кивнула я, думая о том, что это наверняка как-то связано с ночным происшествием.

Дверь кабинета распахнулась, и появился Нефедов, представительный мужик лет шестидесяти, давний друг Деда, тоже из бывших военных. Политикой он не интересовался и страсть Деда к этому виду деятельности, по слухам, не приветствовал, но активно помогал и потому числился в первых помощниках. Меня он тоже не жаловал, кивнул в ответ на мое приветствие, не раскрывая рта, и вышел из приемной, даже не взглянув на Риту. Судя по выражению его лица, жизнью он вполне доволен. Рита нажала кнопку и сказала:

– Игорь Николаевич, Оля в приемной. Заходи, – кивнула она на дверь кабинета, затем приподнялась и торопливо перекрестила меня.

Я вошла в кабинет, Дед стоял у окна, сунув руки в карманы брюк и раскачиваясь с пятки на носок. Услышав, как закрылась дверь, повернулся, подошел ко мне и обнял за плечи, заглядывая мне в глаза. Я растянула губы в улыбке, демонстрируя большую радость от свидания с ним.

– Как дела? – вместо приветствия спросил он.

– Нормально, – ответила я, хотя поначалу хотела сказать «отлично», но в последний момент решила не перебарщивать.

– Садись, – кивнул он на кресло, и я покорно села. Он остался стоять у окна, опершись руками на подоконник и продолжая разглядывать меня. Он молчал, и я молчала, делая вид, что меня очень занимает рисунок ковра под ногами, при этом я думала о том, что Дед здорово сдал. Сколько я его помнила (а это лет двадцать, не меньше), он выглядел человеком без возраста. Всегда подтянутый, бодрый, даже седая шевелюра впечатления отнюдь не портила, а в глазах женщин только прибавляла ему шарма. Открытое лицо с яркими голубыми глазами неизменно вызывало симпатию. Однако теперь Дед казался усталым: мешки под глазами, резкие складки от крыльев носа к подбородку и взгляд... взгляд был колючим, если, конечно, поблизости не находился фотограф и Дед не начинал позировать. Ему скоро шестьдесят. Через год или через два, сразу и не сообразишь. Через два. В его возрасте пора и о душе подумать... Я представила его в роли пенсионера и мысленно фыркнула. Нет, он из тех, кто умрет на боевом посту. Или лишившись оного. Потому-то эти выборы так много для него значат. Следовательно, и для меня тоже, раз мы в одной лодке (я опять фыркнула, потому что знала, что лукавлю, по большому счету мне все равно).

Между тем Дед отлепился от подоконника и устроился в кресле напротив, а я вдруг подумала: «Кто стирает ему рубашки?» Официально он вдовец, сын давно живет отдельно, служит на Тихоокеанском флоте, уже в больших чинах, Дед вспоминал об этом к месту и не к месту, хотя сын вовсе не был его, он был сыном его покойной жены от первого брака и несколько лет они ладили друг с другом как кошка с собакой, до тех пор пока Дед не заработал свои первые сто тысяч долларов. После этого в их отношениях наметился прогресс (Дед никогда не жадничал), а вслед за этим вспыхнули родственные чувства.

В настоящий момент с ним жила девица лет двадцати, о невероятной глупости которой слагали легенды. Но как-то я не верила, что она заботится о его рубашках. Я б еще немного поразмышляла на эту тему, но Деду надоело играть в молчанку, и он изрек:

– Говорят, ты много пьешь.

«Ну вот, пожалуйста».

– Кажется, мое пьянство – любимая тема разговоров, – сурово отрезала я. Он смущенно отвел глаза.

– Ты же понимаешь, что я... что меня беспокоит... я хочу сказать... – Когда он вот так начинает мямлить, я готова разрыдаться от жалости к нему.

Я закатила глаза, демонстрируя таким образом, как осточертела мне эта тема, а Дед ухватил меня за руку и больно сжал пальцы.

– Что с тобой происходит?

Вот только разговоров по душам мне и не хватало. Однако, зная его характер, я поняла, что от него так просто не отделаешься, потому я нахмурилась и с обидой в голосе заявила:

– Между прочим, пью я немного. Только вечером (небольшое отклонение от истины), только после работы (тоже не совсем верно), так что...

– Да плевать мне на работу, – не сдержался он. – Я хочу знать... – Тут он понял, что взял неверный тон, хлопнул ресницами, точно обиженный ребенок, и закончил весьма трогательно: – Поговори со мной.

– На тему моего предполагаемого пьянства? Не знаю, что тебе доносят, но до алкоголизма мне далеко.

– Ты в самом деле каждый вечер торчишь в баре?

– Ну и что в этом особенного? Должна же я как-то проводить свой досуг? Мне что, крестиком вышивать или вязать тебе шарфы?

– Раньше ты находила себе занятие.

– Раньше у меня была богатая фантазия. Теперь поистощилась.

Он смотрел на меня, пытаясь облечь свои чувства в слова, ему это редко удавалось, не удалось и сейчас, он горестно вздохнул и сказал виновато:

– Мне больно слышать, когда окружающие...

– Еще одно слово о моем пьянстве, и я пошлю тебя к черту. – Он опять хлопнул ресницами, точно малое дитя, а я, покачав головой, сказала: – Ей-богу, я пью в меру, точнее, иногда позволяю себе выпить. А в баре сижу, потому что в моей чертовой квартире слишком много места... Я подумываю завести собаку. Пока не решила, какой породы. Может, таксу, как считаешь? Таксы симпатичные.

– По-моему, они уродливые.

– Нет, ты не прав. Ужасно симпатичные, нелепые немного, но...

– Детка... – Не помню, чтобы он называл меня иначе, с его легкой руки (или языка?) меня теперь зовут так все кому не лень, иногда мне кажется, что имя, данное мне при рождении, и не мое вовсе. Правда, Дед произносит это слово по-особенному, у него это получается очень сексуально, может, он по привычке зовет так всех своих баб, чтоб не путаться? В этом что-то есть. – Детка, – повторил он, погладил мое колено и вдруг выпалил: – Я чувствую себя виноватым.

– С какой стати? – удивилась я.

– Наверное, я должен был... я уделяю тебе мало внимания. Я понятия не имею, о чем ты думаешь, что тебя тревожит... И меня всерьез пугают все эти разговоры.

– Я решила, что мы уже разобрались с моим пьянством. Начинаю думать, что кому-то просто очень хочется выставить меня алкоголичкой. Со мной полный порядок, а выгляжу паршиво, потому что ночь была не из приятных.

– Что случилось? – нахмурился он. Во взгляде читалось беспокойство не за себя, а за меня.

– Кое-что. Но это терпит.

– Как знаешь... Может, нам стоит отдохнуть вдвоем, как в добрые старые времена, а? Ты и я. И никаких дел...

Идея не показалась мне заманчивой, правда, в ее осуществление я не очень-то верила, раз до выборов всего ничего, оттого напрягаться не стала и молча кивнула. Он, конечно, о выборах тоже вспомнил и недовольно поморщился, поняв, что погорячился.

– Конечно, сейчас... ты понимаешь, но когда все кончится... – Я опять кивнула, на этот раз с облегчением. Когда все кончится, непременно опять что-нибудь начнется, так что можно не волноваться. Он похлопал меня по колену и сказал: – Я люблю тебя... – Поднялся и пошел к столу. Выходило, что аудиенция закончена. Я поднялась, прикидывая, стоит ли заводить разговор об убитой девушке, и решила, что не стоит.

– У тебя все? – с сомнением спросила я.

– Извини, дел полно...

– Ты вызвал меня, чтоб узнать о моем самочувствии?

– Между прочим, мы не виделись неделю. Если быть точным – восемь дней. И все эти разговоры...

– Мог бы позвонить по телефону.

– Я хотел тебя видеть.

– Ну-ну. Тогда я пошла.

Я направилась к двери, поймав себя на мысли, что вздыхаю с облегчением. Я была уверена, что мой вызов связан с ночным происшествием, но, если я ошибалась, выходит, он о нем ничего не знает или считает, что оно не имеет к нам отношения. Иными словами, он не знает убитую и у нее никогда не был.

– Чем же все-таки порадовала тебя эта ночь? – спросил он, когда я уже взялась за ручку двери. Тааак...

– Волков звонил, – разворачиваясь, сообщила я. – Убили девушку из «Пирамиды», у нее на квартире. Волков нашел под креслом твою визитку. – Судя по всему, новость не произвела на него впечатления, если только она была для него новостью.

– Ограбление? – спросил он.

– Не похоже.

– Не вижу повода для беспокойства, – подумав, изрек он. – А ты?

– Я – нет. Волков слегка обеспокоен.

– Чем же?

– Показаниями соседей. Девчонку посещал дядя, чье описание вполне подошло бы к тебе.

– А как ее зовут?

– Кудрина Алла Дмитриевна. – Я сообщила адрес, ожидая реакции, он поджал губы, потом покачал головой:

– Нет, никогда не слышал это имя.

Если честно, облегчения я не почувствовала. Дед мог врать очень убедительно.

– И у нее нашли мою визитку?

– Точно. Заляпанную кровью.

– Это не очень хорошо, – заметил он. Я пожала плечами, предоставляя судить ему. – Что скажешь? – спросил он, добавляя во взгляд пронизательности.

– Пока ничего. Если ты ее не знаешь...

– Я ее не знаю.

– Отлично. Тогда я пойду. – Я вновь взялась за ручку двери, в самом деле намереваясь уйти.

– Ты ведь не собиралась докладывать мне об этом, значит, не считаешь, что это может иметь какие-то последствия.

– Я никогда не тороплюсь с выводами.

– Дело ведет Волков?

– Волков.

– И визитку видел только он?

– У меня нет повода ему не верить.

– Хорошо. – Дед открыл ящик стола, достал конверт, заглянул в него и бросил на стол. – Передай ему, объясни, что мы заинтересованы в том, чтобы убийца был найден как можно скорее. Разумеется, он может рассчитывать на нашу помощь.

Я сунула конверт в сумку и направилась к двери, гадая, отчего у меня так паршиво на душе.

– Ты с ним увидишься сегодня?

- Да. Ближе к обеду.
- Держи меня в курсе.
- Конечно.

Я на всякий случай притормозила, может, он изволит еще что-нибудь сказать на прощание, но Дед уткнулся в бумаги, и я вышла, тихо прикрыв за собой дверь.

В приемной сидел какой-то тип, нервно поправляющий галстук. Я приблизилась к Ритиному столу, и она шепотом спросила:

- Ну как?
- Ничего особо любопытного.
- А вызывал зачем?
- Мозги промывал. Кто-то настучал, что я много пью.
- Наверняка Лялин. Этот знает, сколько трусов и лифчиков в моем шкафу.
- Чертов извращенец.
- Точно. Когда-нибудь я наберусь смелости и кое-кому здесь выскажу... – Кажется, она

говорила вполне искренне, поэтому я попросила:

- Лучше не надо.
- Конечно. Но иногда очень трудно держать себя в руках.
- Нам за это хорошо платят.
- Это точно. Забудь, что я тут наболтала.
- Уже забыла.

Я покинула приемную, сделала несколько шагов по коридору и увидела Черника. Он вывернул из-за угла и вроде бы спешил по своим делам, но у меня сложилось впечатление, что толстяк-бухгалтер поджидал меня. Он как будто намеревался пройти мимо, но вдруг встал как вкопанный, сделал шаг, точно передумав, кашлянул и вновь замер.

– Как дела? – спросил он невпопад, потому что мои дела должны интересовать его так же мало, как его дела меня.

– Отлично.

– Ага... Я вот что подумал: почему бы нам не выпить кофе? То есть вы ведь собирались в бар, разве нет?

В другое время я бы отказалась, сославшись на дела, но сейчас мне стало интересно, с какой стати его так ломает, поэтому я молча кивнула, и мы направились в бар, который был на втором этаже.

Алкоголя здесь не подавали, и небольшую комнату в китайском стиле следовало считать буфетом, но отделана она была с таким шиком, что язык не поворачивался назвать ее так. Мы устроились возле стойки, Черник заказал две чашки кофе, посмотрел на меня и вдруг загрустил, после чего принялся с интересом разглядывать лаковую миниатюру. Он явно собирался о чем-то поговорить, но сил хватило лишь на то, чтобы предложить мне кофе. Теперь он сидел и страдал, очень сожалея, что затащил меня сюда. Господи, как мне надоели эти чокнутые, гадай теперь, что у него на уме.

Я молча выпила кофе, Черник тоже не проронил ни слова, лишь вытирал лоб носовым платком и сопел.

- Какие-то неприятности? – наконец решился он.
- У кого? – подняла я брови.

– Мне ведь действительно важно знать, – с обидой заговорил он. – Почему ко мне все так относятся? Ведь я в команде и ничуть не меньше, чем кто-то другой, заинтересован... почему от меня всегда все скрывают?

– Дед вызвал меня, потому что какая-то сволочь настучала, что я пью как лошадь. Я попробовала его переубедить, но не преуспела.

- Вы это серьезно? – обрадовался он.

– Что серьезно? – переспросила я с притворным удивлением.

– Он действительно вызывал вас по этому поводу?

– Да.

Черник мне вроде бы не поверил.

– В самом деле никаких проблем?

– Проблемы, может, и есть, но меня они не касаются. Почему вы вообще заговорили об этом?

– Он злой как черт. Я же говорил, он точно сбесился... Причем до десяти разговаривал со мной вполне по-человечески, а потом... и вызвал вас. Все знают, что вы... ну... когда что-то случается... – Он покраснел от досады, а я согласно кивнула, желая ему помочь. – У вас же юридическое образование, – добавил он, не придумав ничего умнее.

Это точно, образование у меня есть. В штате Деда я числилась помощником по связи с общественностью, кажется, это так формулировалось. На самом деле я осуществляла связь с милицией и сопутствующими службами, улаживая конфликты, которые время от времени у нас возникали. Иногда проводила собственное расследование, если так было угодно Деду. Не могу сказать, чтобы меня заваливали работой, но накануне выборов обязательно что-нибудь случалось. В настоящий момент я взирала на Черника и пыталась отгадать, что кроется за его беспокойством.

– Значит, у нас все нормально, – пробормотал он, по-прежнему не веря мне, и попытался смотреть проницательно, для чего сощурил глазки, которые за стеклами очков казались до смешного маленькими, и выпятил вперед подбородок. Наверняка накануне долго тренировался перед зеркалом с какой-нибудь брошюрой в руках из серии «Как придать себе значительность». Я их сама на досуге почитываю, без особого, впрочем, толка, и Чернику они, судя по всему, пользы не принесли.

– «Все» слишком сильно сказано, – наблюдая за ним, уточнила я. – Но пока ничего особенного.

– Ага, – кивнул он, это «ага» совершенно не шло человеку его внешности, но сейчас ему было наплевать на это. Он взглянул на часы, поерзал на стуле, словно не мог решиться на что-то отчаянное, затем приподнялся и сказал: – Ну, я пошел... работы по горло. – Но тут же опустил свой зад на прежнее место и жалобно посмотрел на меня. – Я хотел... Слушайте, почему бы нам с вами как-нибудь не поужинать вдвоем?

Если б он вдруг начал глотать ножи и вилки, это произвело бы на меня меньшее впечатление. Однако я не свалилась с высокого табурета и глаза таращить тоже не стала, растянула губы в улыбке и порадовала его:

– С удовольствием.

– Ага, – не очень-то вдохновился он. – Может, на следующей неделе?

– Или после выборов, – подсказала я.

– Да-да, работы сейчас невпроворот.

– В чем дело? – убрав улыбку с лица, совсем другим тоном задала я вопрос. – Чего ты ерзаешь, как уж на сковородке?

– Ничего, – испугался он и даже побледнел, пот выступил на лбу крупными каплями, он забыл про свой платок и теперь сидел, жалко хлопая глазами.

– Тебе кто-то звонил? – вспомнив типа с хриплым голосом, спросила я.

– Мне? Кто? Нет. С чего вы взяли?

– Возможно, кто-то, не пожелавший представиться.

– Мне никто не звонил, – взвизгнул он, испуганно огляделся и стал сползать с табурета. Я легонько ухватила его за плечо.

– Артурчик, если говорят «а», стоит сказать «б» или вовсе рта не раскрывать, в противном случае это выглядит очень подозрительно.

– Я... да вы что... я просто хотел...

– Иди, у тебя работы выше крыши. Мой телефон ты знаешь.

– Да, конечно, конечно.

Теперь он выглядел притихшим или сильно озадаченным и по-прежнему испуганным. Кивнул мне и поспешно удалился из бара, при этом его слегка пошатывало.

– Вот псих, – в сердцах пробормотала я.

Давить на него в настоящий момент не имело смысла, чего доброго заработает инфаркт, а мне бери грех на душу, как будто их у меня и так недостаточно. С другой стороны, Черник – истерик по призванию, вечно чего-то боится и подозревает мир в злых умыслах на свой счет. Сегодня он выглядел до того нелепо, что становилось ясно: что-то за этим есть. Не его фантазии, а некое событие, о котором он так и не решился мне сообщить, хотя имел желание. Ну вот, загадал загадку, теперь ломай голову.

Однако голову ломать я не стала, выпила еще чашку кофе, и неожиданно на меня накатилась лень, захотелось домой, на родной диван, вздремнуть часик, а то и два, и пусть все катятся к черту со своими загадками. Я немного потешила себя этими мыслями и отправилась к машине. При свете дня она мне понравилась еще меньше, чем ночью, хотя и ночью вызвала острую жалость. Может, стоит походить на курсы вождения? Я обошла «Мицубиси»-седан по кругу, покачивая головой. В самый разгар самобичевания услышала за спиной густой бас:

– Это твой личный рекорд. – Повернулась и увидела Лялина, начальника нашей службы безопасности, рослого мужика лет сорока пяти с такими ручищами, что ими впору гнуть подковы. Он насмешливо улыбался мне, стоя в трех шагах от своего джипа, который выглядел как новенький, хотя Лялин ездил на нем уже лет шесть. – Так раздолбать тачку за полгода...

– Это моя тачка, – напомнила я.

– Конечно. Хочешь совет?

– Не хочу.

– Я так и думал. Однако, будучи старшим товарищем, не могу не напомнить, что садиться за руль...

– Вот только скажи что-нибудь по поводу моего пьянства, – перебила я, – и получишь в зубы.

– Это рискованно, – засмеялся Лялин.

– Ничего подобного, ты меня не тронешь. Деду это не понравится, а ты человек разумный. И осторожный.

– На самом деле я просто не в состоянии обижать хорошеньких маленьких девочек.

– Кто это здесь девочка? – хмыкнула я.

– Ладно, – засмеялся Лялин, обнимая меня за плечи. – В моем возрасте начинаешь чувствовать себя папашей всех, кому на пятнадцать лет меньше.

– «Хорошенькая» прозвучало как небесная музыка, – хихикнула я. – Последнее время только и слышу: «паршиво выглядишь».

– Завистники. Идем, поговорить надо.

Однако пошли мы не в офис, а устроились в машине Лялина.

– Единственное место, где можно говорить по душам, – вздохнул он. – Тачку только что проверили, так что расслабься. По какому случаю Дед звал?

– Воспитывал.

– Как считаешь, что следует ждать от жизни?

– Ты имеешь в виду убийство?

– Конечно. Дед вызвал меня, как только ты покинула его кабинет.

– Странно, у меня сложилось впечатление, что убийство его мало интересует.

– Он сказал, что ты одна справишься и подключаться моему ведомству нужды нет.

– Тогда о чем ты хотел поговорить?

– О тебе.

– Интересно, – вздохнула я, вглядываясь в его лицо. Благодаря рыжим усам Лялин походил на добродушного моржа – впечатление, очень далекое от реальности.

– Ты с таким интересом разглядывала свою тачку...

Не зная Лялина, можно было подумать, что он меняет тему разговора, но я неплохо его знала и, кивнув, ответила:

– Вмятина на крыле. Черт знает, откуда она взялась.

– Вот-вот. Ходят слухи, что ты много пьешь. Скажу больше: если верить слухам, ты законченная алкоголичка.

– Спасибо, – фыркнула я.

– А между тем пьешь ты немногим больше, чем любая девица твоего возраста, семейного положения и достатка.

– Чего? – подняла я брови.

– Обожаю, когда ты строишь из себя дуру.

– Ладно. Ты выяснил, что я не алкоголик. Что дальше?

– Кому-то понадобились эти слухи.

– Олег, – вздохнула я, – тебе надо менять работу. Слухи – это слухи.

– Не скажи, Детка. Все знают, что ты имеешь большое влияние на Деда...

– Чушь...

– Я сказал – влияние. Ты держись в стороне и всячески подчеркиваешь, что его дела тебя не касаются. Можешь мне поверить, я не считаю тебя серым кардиналом, я даже убежден, что тебе в самом деле безразлично, куда мы катимся всем скопом, но я так же знаю, что Дед способен изменить свое решение под впечатлением от разговора с тобой. Может, из желания выглядеть благородным в твоих глазах или еще по какой-то забавной причине... И не только я это знаю...

– Мне не очень понятно, – нахмурилась я, так как разговор больше не казался занятным и вообще перестал мне нравиться.

– Сейчас объясню. Кому-то очень хочется, чтобы ты в его глазах выглядела скверно. Кто-то всерьез опасается твоего влияния. Кто-то к чему-то готовится...

– И это ты называешь «объясню»? «Кто-то», «кому-то»... Скоро выборы, и у всех крыша едет, в том числе и у тебя.

– Возможно. Если у меня едет крыша, это не страшно, хуже другое: если мы прохлопаем тот миг, когда...

– Ты меня успел запугать, – усмехнулась я, хотя испуганной не была.

– Я сам напуган. И это убийство мне не нравится. Держи меня в курсе. И подумай о моих словах.

– По-твоему, наши конкуренты...

– Не обязательно. У нас достаточно своих умных голов. – Вот в этот момент я насторожилась. Лялин не тот человек, кто будет делать подобные заявления ради красного словца. Мы обменялись взглядами. – И не задавай глупых вопросов, – проворчал он. – У меня ничего нет. Я всего лишь отвечаю за безопасность Деда. Я знаю, скольких баб трахнул тот или другой его помощник, но я не знаю, о чем идет речь в кабинетах, куда мне нет хода.

– А хотелось бы? – не удержалась я.

– До ломоты в зубах. Потому что долгие годы в разведке обострили мой нюх. И я тебе по-дружески сообщаю: что-то назревает, подспудно, в состоянии повышенной секретности, и такие, как мы с тобой, могут оказаться у разбитого корыта. Это очень просто, если не знать, кто твои друзья, а кто враги. А как узнать, кто есть кто в этом серпентарии?

– Это что, предложение о сотрудничестве?

– Почему бы и нет? – вроде бы обиделся Лялин.

– Хорошо. Буду смотреть в оба.

– Давай-давай, смотри, – в тон мне ответил он, и я поспешила убираться из машины.

«Ну и денек, – горько сокрушалась я, топая к своей машине. – Столько информации на мою бедную голову. Как тут не выпить, чтобы поставить мозги на место?» Но странное дело – пить совершенно не хотелось. Умеют же некоторые испортить жизнь человеку.

Я отъехала на пару кварталов, чтобы не мозолить гражданам глаза, приткнула машину возле тротуара, уткнулась подбородком в скрещенные на руле ладони и задумалась. Насчет влияния, которое я якобы имею на Деда, Лялин ткнул в небо пальцем. Ничего подобного. Дед вообще не из тех, кто подвержен какому-либо влиянию. Происки конкурентов? Тоже вряд ли. Фигура я для них незначительная, не стоит тратить на меня время. Выходит, чешут языками от безделья, а Лялин в припадке подозрительности... Пожалуй, не стоит мне по вечерам в кабаках сидеть, можно дома, перед телевизором. Для меня разница небольшая, а граждане решат, что я после нагоняя с пороком завязала или глушу водку в одиночестве, что вероятнее. Кстати, водку я не жалею и на ночь выпиваю исключительно в медицинских целях, у меня бессонница. Ближе к часу ночи я начинаю так жалеть себя, что орошаю подушку слезами, потому что жизнь моя кажется мне загубленной безвозвратно, и лишь полбутылки вина способны вернуть мне душевное равновесие и навевают дремоту. И с мыслью: «А жизнь-то налаживается» – я засыпаю.

– Ты зануда, – громко заявила я по привычке. – Давай, делай что-нибудь, тебе ведь деньги платят.

До встречи с Волковым не худо бы заскочить в «Пирамиду», разузнать о погибшей девице. Найти Марка и дать ему задание присмотреть за Черником. Нервы у него вконец расшалились, вот пусть Марк им и займется.

Я набрала номер сотового, однако абонент оказался в зоне недоступности. Это могло означать только одно: Марк счастливо проводит время в сауне. Посещение сауны было для него сродни священному обряду, и телефон он отключал, едва лишь переступал порог данного заведения, руководствуясь девизом: «Пусть весь мир подождет».

Не успела я отложить телефон в сторону, как позвонил Волков.

– Сможешь сейчас подъехать в кафешку на Кузнецкой?

– Конечно, – ответила я и начала разворачивать машину.

Волков сидел за столом в глубине зала в гордом одиночестве, не считая молодого человека кавказской внешности, скучающего за стойкой. Других посетителей не наблюдалось. Я прошла и села напротив. Волков поднял голову от куска жареного мяса и вздохнул.

– Жрать это совершенно невозможно, – пожаловался он.

– А чего мучаешься?

– Так ведь деньги заплатил.

– Наплюй на деньги, здоровье дороже. Кстати о деньгах. – Я достала конверт и протянула Волкову. Он взял его, изучил содержимое и убрал во внутренний карман пиджака.

– Значит, Дед считает, что это может иметь серьезные последствия, – задумчиво изрек он.

– Дед считает, что мы должны помочь милиции изобличить убийцу.

– И ты будешь путаться у меня под ногами.

– Хлопот от меня немного, так что не строй из себя сироту.

– Хочешь водки? – вдруг спросил он.

– Я не пью.

– Давно?

– С самого утра.

– А я выпью. – Он жестом подозвал официанта, и через минуту тот принес ему водки. Волков выпил, закусил помидором и взглянул с печалью. – Иногда хочется наплевать на все и уйти куда-нибудь...

– Каждый раз, когда я привожу тебе деньги, ты говоришь одно и то же. Это что, рецидив совести?

– Ты-то, конечно, понятия не имеешь, что это такое, – буркнул он.

– Тебе просто нравится валять дурака. Мужик твоей комплекции не заводит дурацких разговоров со ста грамм.

– Не знаю, почему я испытываю к тебе симпатию.

– Знаешь. Но это неважно.

– А что важно? – прицепился он.

– Понятия не имею. Когда размышляю об этом, итог неутешителен. У меня почти всегда выходит – ничего.

– Оптимистично.

– А чего ты хотел?

– Ладно, по душам, считай, поговорили. Теперь о деле. Вскрытие показало: смерть девушки наступила где-то в районе одиннадцати вечера, примерно в 10.45. Причина – удушье... Чего ты морщишься? – спросил он.

– А с чего бы мне светиться от счастья?

– Девку удавили, причем до последнего момента она ничего не опасалась. Никаких следов борьбы. Она лежала в постели, убийца подошел сбоку, накинул ей на шею чулок и намотал его на спинку кровати. Девушка открыла рот, с намерением закричать, но вряд ли преуспела в этом. Совершив этот подвиг, убийца сунул ей в рот доллары и занялся вскрытием, написал на стене заветное слово и был таков.

– Что тебе не нравится? – через минуту спросила я.

– Все, – ответил Волков, отправляя в рот очередной кусок мяса.

– Что тебе особенно не нравится? – предприняла я вторую попытку.

– Мы имеем дело с маньяком. Мне не нравятся маньяки.

– Может, кому-то хотелось, чтобы ты решил, что это работа маньяка?

– Смысл?

– Пока я его не вижу. Давай подумаем. Девчонке сломали шею. Почему бы на этом не остановиться?

– У меня два варианта. Либо псих не уверен был, что таким образом разделался с ней, и решил подстраховаться, либо находился в таком бешенстве, что просто сломать ей шею было для него недостаточным.

– Надпись на стене и доллары, втиснутые ей в рот?

– Похоже на приступ ревности. Тоже два варианта: девушка была чересчур корыстной и ее дружку это надоело, либо он узнал, что она подрабатывает на стороне. Баксы в данном контексте означают одно: подавись этими деньгами. Надпись «Сука» в схему укладывается.

– Если этот парень маньяк...

– Не если. Ты же видела, что он с ней сделал.

– Маньяки убивают просто потому, что им хочется убить. Для этого необязательно избивать измену.

– Куда ты клонишь? – наконец-то проявил интерес Волков.

– Против надписи я ничего не имею, – почесав нос, заметила я. – Маньяки любят оставлять автограф. «Сука» очень универсально, парень не любил женщин вообще, или продажных женщин, или брюнеток, или блондинок... Но доллары – это скорее жест обманутого любовника... Или обманутой жены любовника.

– Оригинально, – хмыкнул Волков. – Ты ж сама говорила, что ничего не слышала о женщинах-маньяках?

– А у меня большие сомнения в том, что там поработал маньяк. Псих – куда ни шло, но не маньяк. И женщина теоретически могла проделать это не хуже мужчины. Намотав чулок на спинку кровати, сломать девчонке шею не так уж трудно, а с бездыханным телом и вовсе вытворяй что хочешь. Кстати, вряд ли настоящий маньяк позволил бы своей жертве умереть так легко, что она, по твоим словам, и испугаться не успела. Он бы включил музыку погромче и выпотрошил ее еще живой.

Волков отодвинул тарелку и задумался.

– Если честно, мне это тоже приходило в голову, – изрек он.

– Девушка была изнасилована?

Волков отрицательно покачал головой.

– Кто обнаружил труп?

– Сосед возвращался домой около часа ночи, обратил внимание на приоткрытую дверь.

– Он входил в квартиру?

– Нет. Позвонил трижды, ему не ответили, и это его насторожило. Вместе с женой они разбудили соседей по лестничной клетке и, посоветовавшись, вызвали милицию.

– А что за соседи?

– Обычные люди, среднего возраста и среднего достатка. С убитой едва знакомы, знали, что зовут Алла. Соседка была в ее квартире дважды, когда собирала деньги для установки железной двери подъезда. Мужчины, по их словам, к Алле заглядывали часто, утверждают, что никого опознать бы не смогли, не приглядывались.

– Но ведь кто-то дал довольно точное описание одного из гостей?

– Вчера. А сегодня утром никто ничего не мог вспомнить.

– Только не говори, что с ними успели провести работу.

– Не говорю. Я лишь хочу знать, чем мы будем заниматься: искать убийцу или дурака валять?

– Дед сказал: найти. Но следует учитывать, что любое выражение имеет ряд значений...

– Господи, как я ненавижу, когда ты умничаешь, – затосковал Волков.

– Он сказал найти и вроде бы совсем не впечатлился убийством. От визитки отмахнулся как от чего-то совершенно несущественного. И о помощи следствию говорил серьезно... Но это ничего не значит, то есть это не будет ничего значить, если во время следствия мы обнаружим нечто...

– Спасибо, что растолковала, – хмыкнул Волков. – Как только я увидел эту девку, сразу вспомнил о геморрое.

– Да, ты говорил. И не смотри на меня с огнем в очах, я всего лишь девочка на побегушках, глупо тратить на меня свои нервы.

– Ладно, будем считать, что мы его ищем, то есть хотим найти.

– Ага. Найти его необходимо, а вот остальное...

Волков опять поморщился, а я посоветовала себе придерживать умные мысли и виновато улыбнулась.

– Сейчас ребята беседуют с жильцами дома, – заговорил Волков. – Возможно, какая-то зацепка... В «Пирамиде» тоже с персоналом работают, но ты же знаешь... Короче, я хочу, чтобы в «Пирамиду» отправилась ты.

Я кивнула. Что ж, Волков прав, соседи, возможно, не приглядывались к гостям Аллы, а вот ее подружки в клубе должны быть в курсе ее любовных дел, так что мне следует узнать о них первой.

– Когда приступать?

– Сегодня. Ребята пробудут там часов до шести...

– Ясно.

– И еще. Я надеюсь, мы работаем вместе, – проворчал он.

– Само собой, – с легкой обидой ответила я, думая при этом, что пути господни, а также желания Деда, неисповедимы. Волков в таких случаях обычно ухмылялся, ни секунды не веря в мои слова, а тут вдруг уставился на меня, словно намеревался прочесть мои мысли, и изрек:

– Я на тебя рассчитываю.

Не иначе как водка в голову ударила. Я скроила постную рожу и закивала, пытаясь выразить незатейливой пантомимой готовность к сотрудничеству.

Но Волков на этом не уговорился, пожевал губами и заявил:

– Я думаю, нас ожидают испытания. В такое время хотелось бы знать, кто твой друг, а кто...

Они что, сговорились с Лялиным? Или в воздухе действительно пахнет грозой? И лишь я, по причине врожденной тупости, ничего не замечаю? А главное, все вдруг стали жутко заинтересованы в моей дружбе. Я людей разочаровывать не люблю, оттого, напустив в глаза легкой придури, с самым серьезным видом кивнула:

– Ты прав. Можешь на меня рассчитывать. – «А также на заступничество Пресвятой Девы Марии, к которой я ежедневно обращаюсь в молитвах», – мысленно добавила я, поднимаясь из-за стола. Волков проникновенно улыбнулся и даже пожал мне руку, вышло так трогательно, что захотелось броситься ему на шею. Но это было бы слишком, боюсь, он заподозрил бы меня в неискренности. – Я позвоню, – сказала я и пошла к выходу, оставив его наедине с недоеденным мясом и интересными мыслями.

Если с трех часов ночи, когда Волков заговорил о геморрое, я не ожидала от жизни ничего хорошего, то теперь и вовсе затосковала. То есть я хотела быть оптимистом и даже время от времени говорила себе: визитка ничего не значит, с какой стати мне об этом беспокоиться, но теперь от моего оптимизма почти ничего не осталось. Конечно, я и сейчас талдычила, что визитка – ерунда, но что-то меня всерьез беспокоило, что-то, чему я пока не находила названия.

Оказавшись в машине, я немного поскучала, таращась на прохожих, и в конце концов собралась ехать домой. В «Пирамиду» пока слишком рано, а изобрести еще какую-либо полезную деятельность (полезную для Деда, разумеется) я не смогла и решила посвятить время до вечера личной жизни.

Вспомнила про расхожий комплимент, что паршиво выгляжу, и заглянула в салон красоты, где провела полтора часа, пытаясь отделаться от тягостных мыслей. Пообедала в кафе и наконец прибыла домой. Генерал в отставке приветствовал меня со своего балкона.

Я решила повысить свой культурный уровень, взяла с полки первую попавшуюся книгу и плюхнулась в кресло. Мне повезло: книга оказалась справочником «Целебные растения средней полосы», и минут через двадцать я уже дремала, до тех пор, пока не услышала за спиной шорох. То есть я не была уверена, что это шорох, но на всякий случай швырнула книгу через плечо, раздался хлопок, из чего я заключила, что книгу Марк поймал и, весело хихикая, сообщил:

– Один–ноль в твою пользу.

– Я тебя просила звонить в дверь. Однажды ты доведешь меня до инфаркта.

– Замок так себе. Хочешь, я поставлю тебе настоящую дверь с настоящими замками?

– Что мне за радость, если ты ее все равно откроешь?

Марк опустил в соседнее кресло, закинул ноги на подлокотник и широко улыбнулся мне. Когда я впервые увидела эту улыбку, мне понадобилось часа полтора, чтобы прийти в себя. Всегда хмурый, неразговорчивый, Марк имел репутацию очень злобного типа и старательно ее поддерживал. Многие считали его параноиком и в придачу садистом, на самом деле он был

циник, что тоже не очень хорошо, с точки зрения большинства граждан, но я к их числу не отношусь.

Официально в штате Деда он не числился, называя сам себя порученцем. Какой смысл он вкладывал в это слово, мне неизвестно, а желания уточнить у меня не возникало. Лет пять назад я определила для себя, что в этом мире касается меня, а что нет, так вот то, чем занимался Марк, меня не касалось.

Поначалу я, как и все, старательно Марка избегала, пока вдруг его родной брат, который время от времени тоже работал на Деда, не оказался в паршивой ситуации. Я пробовала его вытащить и почти преуспела в этом, но парню мои труды не пошли на пользу, и вскоре он скончался, как говорили, от острой сердечной недостаточности. Последствия для меня были самыми невероятными. Марк нашел меня в баре, где я, по обыкновению, размышляла о смысле жизни, и мы немного поболтали о том о сем. Дня через два мы опять встретились и вновь поболтали. В ту зиму это стало для меня основным событием, я имею в виду по яркости и неожиданности. Потом Марк выдал свою шикарную улыбку, и я всерьез предложила себе пересмотреть свои основные жизненные принципы. Правда, до этого дело так и не дошло, но Марка я стала считать своим другом, с небольшой ссылкой на то, что человек человеку волк. Мы вполне могли бы подружиться по-настоящему, но этому сильно мешало мое твердое убеждение, что друзья обременительны: с ними вечно что-нибудь случается.

Выглядел Марк очень забавно: маленький, худой, с узким личиком, совершенно белыми волосами и серыми глазками, он походил на рахитичного подростка, хотя ему недавно исполнилось тридцать два года. Он утверждал, что был жокеем, однако врал (он вообще любил соврать и делал это мастерски, а я любила его слушать), некоторое время работал в цирке (это правда: он чистил клетки)... Единственное, что меня интересовало – как он прибил к Деду, но как раз об этом он помалкивал, а если врал, то совсем неинтересно, я ему так прямо об этом и заявила. Марк обиделся, и данную тему мы оставили.

Он поглазел на меня, подергал себя за мочку уха с золотой серьгой в виде полумесяца и сообщил:

- Наметилось движение.
- Где? – насторожилась я.
- В природе. И в нашей богадельне тоже. Ведь не просто так ты мне звонила?
- Не просто, – кивнула я.
- И что такого интересного в мире?
- Дурацкое убийство, два предложения о дружбе и сотрудничестве и геморрой в перспективе.

– Тебе предлагали дружбу? – вытаращил глаза Марк.

– Ну, возможно, это сильно сказано, но о сотрудничестве речь шла точно.

– Занятно. И что ты думаешь по этому поводу?

– Теряюсь в догадках. – Я коротко пересказала Марку недавние события. Против обыкновения, он комментировать их не стал, кивнул и спросил:

– Хочешь, чтобы я присмотрел за Черником?

– Хочу.

– Сделаем. – Он легко поднялся и пошел к двери, обернулся и сказал укоризненно: – Я ведь просил тебя запирать дверь на задвижку. Кроме шуток...

– Грабителей в моей квартире постигнет горькое разочарование. Иди и не донимай меня умными советами, я спать хочу. Вечером предстоит посетить «Пирамиду».

– Девки могут заартачиться. Мне стоит пойти с тобой, обычно они добреют, как только увидят меня.

Я хихикнула и кивнула, соглашаясь. Марк вышел из комнаты, хлопнула входная дверь, я еще немного послушала тишину и решила, что она действует мне на нервы, включила телеви-

зор и прилегла, а когда пожелала оторвать голову от подушки, оказалось, что мне пора отправляться в «Пирамиду».

Марк сидел в баре, уткнувшись взглядом в бокал с какой-то дикой смесью. Бармен старался держаться от него подальше. При этом он поглядывал через плечо, пытаясь отгадать, какое впечатление производит на Марка. Он явно рассчитывал на то, что Марк понимает: у такого оптимистичного парня, довольного своим местом под солнцем, все просто отлично. Так что Марк зря сюда притащился, если задумал что-то накопать.

Я села рядом. Марк, не отводя взгляда от бокала, заявил:

– С Генкой я перекинулся парой слов, ты можешь устроиться в его кабинете, там с утра сидели менты.

Я кивнула и пошла на второй этаж. Геннадий Сергеевич, директор данного заведения, сидел в своем кабинете. Я вежливо поздоровалась. Он выглядел слегка встревоженным. Вряд ли, впрочем, оттого, что ночью погибла одна из его подчиненных, скорее его угнетал факт присутствия Марка этажом ниже. На знающих людей – а Геннадий Сергеевич был знающим человеком – это не могло не произвести впечатления: если к делу подключили «порученца», значит, дело серьезное и вполне может завершиться чьим-то инфарктом. Геннадий Сергеевич отличался отменным здоровьем, но ведь здоровье – категория временная, сегодня оно есть, а завтра, смотришь, уже и нет.

– Добрый вечер, – поднимаясь из-за стола, приветствовал он меня. – Вот, пожалуйста, садитесь на мое место, здесь вам будет удобно.

– Спасибо, мне и тут хорошо.

Я устроилась на диване. Геннадий Сергеевич замер в трех шагах от стола, не зная, то ли вернуться в свое кресло, то ли перебраться ко мне поближе, а в результате топтался на месте с растерянной физиономией.

– Такая... такое несчастье, – вздохнул он. – Кто бы мог подумать...

– Да-а, – протянула я неопределенно. – Геннадий Сергеевич, передо мной стоит задача раскрыть это преступление, то есть всячески содействовать следствию, хотела я сказать. Господа из милиции уже были и ничего особо ценного из разговоров с девушками не почерпнули, что меня не удивляет. Так вот, то, что вы рассказали ментам, меня не волнует, мне интересно то, что вы им не сказали.

– Конечно, я понимаю... – Он вздохнул и опустился в кресло с самым разнесчастным видом. С одной стороны, говорить как на духу он был просто обязан, с другой, как все в нашем серпентарии, не очень-то верил заверениям, что мы одна команда. Каждый играет сам за себя, говоря попросту. Потому-то он сильно опасался, не выйдет ли ему боком собственная откровенность, если она заденет чьи-то интересы. – Алла была девушкой осмотровой, – начал он. – У меня с ней проблем не возникало. Насколько мне известно, жениха у нее не было. Я имею в виду...

– Я поняла. Жениха не было, а поклонники?

– Сколько угодно, – пробурчал он. – Она ведь красавица и далеко не дура... ну, вы понимаете. Здесь мы ничего такого не позволяли, девушки подписывают обязательство, вы, наверное, знаете? Алла была солисткой труппы, пользовалась успехом, но в стенах клуба... Конечно, дома она могла принимать кого ей заблагорассудится.

– И кого она принимала?

– Лично я в ее квартире никогда не был, – перегнувшись ко мне, почему-то шепотом сообщил Геннадий Сергеевич, – и понятия не имею... то есть я могу только догадываться... у нас респектабельное заведение и...

– Давайте ваши догадки, – кивнула я.

Через минуту я смогла убедиться, что девица в самом деле пользовалась большой популярностью. В числе ее поклонников были: глава крупнейшего предприятия в городе, один бан-

кир и два бизнесмена. Самой интересной фигурой для меня, безусловно, оказался Губарев Лев Николаевич, секретарь и ближайший помощник нашего основного конкурента. Возможно, что светлая мысль подставить Деда пришла в голову именно ему. Бились мы насмерть, и от конкурентов можно было ждать чего угодно. Но я была склонна считать, что подобная подстава – это все-таки чересчур.

– Отлично, – кивнула я, наблюдая, как Геннадий Сергеевич томится в своем кресле, точно в ожидании конца света. – Кто еще? – Взгляд его потух, он смотрел скорбно и сосредоточенно, возможно, рассчитывал на озарение свыше или прикидывал вероятные последствия. – Вы дурака-то не валяйте, – поторопила я.

Он вздохнул и выпалил:

– Черник Артур Петрович. Кажется, он за ней ухаживал.

– Что значит «ухаживал»?

– Ну... приносил цветы. Говорят, подарил кольцо... Об этом лучше у девушек спросить. Я ведь не знаю... со мной они не откровенничают.

В то, что он не знает, я ни секунды не верила, однако сразу поняла – настаивать глупо.

– Хорошо, оставим пока Черника. Кто еще?

– Ну... один молодой человек. По правилам клуба мы не имели права...

– Сколько ему лет?

– Семнадцать, кажется.

– А фамилия у него есть?

Последовал очередной вздох.

– Нефедов.

– А зовут мальчика?

– Игорь.

– Отлично. Отчество, конечно, Константинович? – Геннадий Сергеевич кивнул. Так, несовершеннолетний сын ближайшего Дедова друга и помощника наведывался к убиенной. – А как Алла относилась к его... посещениям?

– Вы меня поймите, – горячо зашептал Геннадий Сергеевич. – С одной стороны, я, конечно, не приветствовал... Семнадцать лет, и неизвестно, как отец на это посмотрит, с другой, если я вмешаюсь, не сделать бы хуже, ведь Константину Сергеевичу могло бы не понравиться...

– И вы сделали вид, что ни о чем не знаете.

– А вы бы что сделали на моем месте? – огрызнулся он.

– Долго они встречались?

– Месяца два, не больше.

– Что собой представляет этот юноша?

– Ну... обычный бездельник. Швыряется деньгами, может сделать пакость, если вдруг решит, что к нему не проявили уважения. Я с ним не общался, то есть всячески этого избегал, но девушки на него жаловались, и я даже пробовал поговорить... не с отцом, конечно, нет, а с его секретарем...

– И что?

– Обещали принять меры.

– Приняли?

– Я этого не заметил.

– А родитель девицу случайно не навещал?

Лучше бы я публично плюнула на российский флаг или занялась любовью на виду десятка граждан, – физиономия Геннадия Сергеевича скривилась от внутренней боли, затем боль сменило отвращение, а закончилось все испугом.

– Вы... вы шутите? – только и сумел произнести он. – Я не знаю, откуда у вас такие сведения, – слова полились из него мощным потоком, – но я об этом знать ничего не знаю. И думаю, что девочки... во всяком случае, перед приходом милиции я их проинструктировал лично.

– Кстати, совершенно напрасно, – перебила я. – Мы, – я подчеркнула слово «мы» и даже посмотрела на потолок, чтоб Геннадия Сергеевичу стало ясно, кого я имею в виду, – заинтересованы в том, чтобы милиция как можно скорее нашла убийцу. Девушка работала у нас, и наш долг...

– Да-да, – кивнул Геннадий Сергеевич, – конечно. Я же понимаю. Но я вам клянусь, Константин Сергеевич, то есть господин Нефедов, никогда... То есть он бывал здесь неоднократно и как будто проявлял интерес к одной из девушек, но Алла... мне это даже в голову не приходило, по-моему, он не обращал на нее внимания.

– А та девушка...

– Та девушка вышла замуж и уехала из города.

– Ее данные вы мне на всякий случай сообщите.

Он сообщил, но с таким видом, точно выдал государственную тайну и с минуты на минуту ждал возмездия. Я записала фамилию и прежний домашний адрес девицы в записную книжку и весело посмотрела на хозяина кабинета.

– А теперь, если не возражаете, я бы хотела поговорить с девушками.

– Конечно. Я вас оставляю.

Первой в кабинете появилась Вероника. Высокая и стройная до такой степени, что поневоле возникало беспокойство, как бы она, перегнувшись пополам, случайно не сломалась. Она была в концертном костюме и сразу сообщила, что ее номер через полчаса, после чего устроилась в кресле и нахмурилась. Двухминутный разговор с ней ничего полезного не дал. Действительно, хаживал к Алке один малолетка, но она даже имени его не знает. Был и банкир, но весь вышел, жена у него стерва страшная, чего-то пронюхала, и он больше месяца носа не показывает, еще и от Алки прятался, она дозвониться до него и то не смогла.

– А звонила зачем? – полюбопытствовала я. – Соскучилась?

– Он вещи кое-какие у нее на хате оставил. Алка с дури взяла и выбросила их на помойку, потом, конечно, опомнилась, но вещички тью-тью.

– Парень у нее был?

– Если только малолетка этот, а так... мужики были, денежные. Разницу объяснить?

– Без надобности, – покачала я головой. – Вероника, – обратилась к ней я, – вы знаете, что произошло с Аллой? Как думаете, кто мог это сделать?

– Откуда мне знать? Псих какой-нибудь...

– Ясно, что знать вы не можете. Я ведь спросила, что вы думаете?

– А... ну это сложно... честно говоря, в голове не укладывается. Ведь он чокнутый, да? Может, кто влез в квартиру, а там Алка, вот с перепугу...

– Судя по всему, Алла своего гостя не боялась.

– Может, она его заметить не успела, он подкрался, удавку на шею...

«А вот это вряд ли, – кивая, думала я. – Две рюмки на столе, коньяк, сама хозяйка в полуголом виде. Очень похоже, что гость был званым».

– А что девочки говорят?

– Наши?

– Конечно.

– Ничего. Говорят, конечно, но... ясное дело, нарвалась на маньяка. Не повезло.

Я еще немного поболтала с ней, и мы простились. Беседы с другими девушками тоже ничего не дали, все дружно повторяли «не знаю», «не слышала», а выглядели такими испуганными, что их вид отбивал всякую охоту к разговорам. Это продолжалось до тех пор, пока в

кабинете не появилась рослая красавица с иссиня-черными волосами в ярко-красном платье. На меня она взглянула с плохо скрытой усмешкой. Села, выбрав стул, закинула ногу на ногу и спросила:

– Курить можно?

Голос с хрипотцой звучал очень сексуально, и вообще на нее стоило посмотреть. В присутствии такой красавицы особи вроде меня начинают чувствовать свою неполноценность. Я вдруг подумала, что вряд ли дотянусь носом до ее плеча, а вслед за этим решила, что посещение салона не пошло мне на пользу, а вот эта Инесса и без денежных затрат выглядела хоть куда. Мне сделалось грустно, в основном из-за напрасно потраченных денег.

– Вы ведь не из милиции? – спросила Инесса насмешливо. – Те с утра здесь шныряли.

– Они с утра, а я к вечеру. Геннадий Сергеевич, должно быть, объяснил вам, чьи интересы я представляю? Хозяева ночного клуба обеспокоены происшедшим и хотят, чтобы убийца поскорее оказался в тюрьме.

– Алка сама виновата, – закурив, бросила она. – Трахалась со всеми подряд. Помешалась на бабках и болтала много.

– А было о чем? – улыбнулась я.

Инесса пожала плечами:

– Она пользовалась успехом.

– Кажется, среди ее поклонников один был очень юный?

– Был.

– Какие у них сложились отношения?

– Нормальные. Он гордился, что трахает нашу первую красавицу, друзьям ее показывал, а она гордилась им.

– Чем же парень был так хорош?

– Папой. Парень ей был без надобности, а от папы она точно бы не отказалась.

– И что? Преуспела?

– Не знаю. Возможно. Если ее послушать, выходило, что все мужики по ней просто с ума сходили.

– И кого из сошедших с ума она называла?

– Например, хвастала кольцом и утверждала, что ей подарил его Игорь Николаевич Кондратьев. Небось о таком слышали? – Теперь глаза ее откровенно смеялись, девчонка умная и наверняка осведомлена о многом, а слухи о том, что я любовница Деда, ходили в народе наряду с легендой о моем алкоголизме.

– Она с ним встречалась?

– Я считаю, она все выдумала, чтоб наших девок позлить. Но деньги у нее водились, раскрутить мужиков она умела. Говорят, ей эти деньги в рот и засунули. Правда?

– Правда.

– Значит, кому-то не понравился ее способ зарабатывать.

– А может, не способ, а жадность? – подсказала я.

– Жадна она была без меры, это точно.

– Парень у нее был?

– Нет. Конечно, руку отдавать на отсечение не буду, но уверена – нет. Во-первых, никогда о нем не говорила, во-вторых, парень ей был не нужен. Ей денег хотелось. Больших.

– Один из способов их получить – выйти замуж за богатого человека.

– Богатые все при женах и разводиться из-за девки кабацкой почему-то не спешат.

– Это довольно престижный ночной клуб...

– Ну и что? Сути это не меняет. Клуб, кабак...

– Как считаете, при случае она могла бы кого-то шантажировать?

– Вполне. У нее не заржавеет.

– Вы сказали, Алла болтала много, а вот Геннадий Сергеевич утверждает, что убитая была разумной девушкой и болтать не любила.

– Может, с ним она и не болтала, он у нас в гримерке не торчит.

– Как вы думаете, кто мог ее убить? Разумеется, я не фамилию спрашиваю.

– Один из ее мужиков, это ясно... а за что... думаю, тоже ясно, если в рот баксы запихнули, чтоб она ими подавилась.

– Любовник на почве ревности?

– Любовник, которому она осточертела, деньги из него выколачивая.

– Почему бы просто не послать ее к черту?

– Люди разные, – усмехнулась Инесса, – а Алка была любопытной.

– То есть она могла что-то знать о человеке, не подлежащее огласке?

– Вы ведь моим мнением интересуетесь. Только не спрашивайте: кто это может быть?

Кто угодно.

– Девушки, наверное, напуганы, – решила я сменить тему.

– Не знаю, – пожала она плечами. – Скорее удивлены. Мужики у Алки все приличные, и вдруг такое... Может, в самом деле подцепила на улице какого-то маньяка по пьяному делу?

– А она что, любила выпить?

– Алкоголичкой не была, врать не стану.

– Кто ей квартиру снимал, вы знаете?

– Черник. По крайней мере, она так говорила.

Я уткнулась в свои записи, надеясь, что девица не обратит внимание на выражение моего лица. Оказывается, Черник не только был знаком с убиенной, но даже квартиру ей снимал. Вот и причина его утренней нервозности.

Инесса уже несколько раз поглядывала на часы, я решила обратить на это внимание.

– Торопитесь?

– У меня номер во втором отделении.

– Что ж, в таком случае всего хорошего. – Она поднялась и пошла к двери. – Если вдруг придет в голову что-то интересное... – торопливо сказала я и протянула ей визитку, она взяла ее, кивнула и вышла. Я была уверена, что мою визитку она выбросит в урну через пять шагов по коридору.

Однако совсем бесполезным свое пребывание здесь я не считала, что-то как будто начало проясняться, хотя, может, наоборот, еще больше запутываться. Стоит побеседовать с Черником. Он знал об убийстве (от кого?), и у него был повод для ревности. Кстати, почему бы ему и не убить ее под горячую руку? Этим человеком вечно все помыкают, а такие типы на многое способны, если в мозгах у них начинает клинить. С моей точки зрения, он идеально подходил на роль убийцы, но именно это и настораживало. Был и еще повод не рыдать от счастья: это открытие вряд ли понравится Деду.

Марк по-прежнему сидел в баре, нагоняя тоску на окружающих. Я кивнула ему, мы покинули заведение и немного прошли вдоль стоянки машин.

– Ну, что удалось узнать? – хмыкнул он. Я поведала ему о Чернике и малолетнем сыночке Нефедова. – Вона как, – весело хихикнул Марк. – Оба запросто могли кокнуть девку. Один жутко неуравновешенный тип, а у второго паршивый возраст, того и жди, что с катушек съедет.

– Вот именно – съедет, – фыркнула я. – Ничего не имею против убийства на почве ревности – Отелло, Яго, подброшенный платок, но благородный мавр супругу просто придушил, у него и в мыслях не было ее освежевывать.

– Так на то он и благородный. Значит, пацан или Черник? И то и другое одинаково плохо, не для нас, конечно, а для общего дела. А нас учили, что коллектив...

– Слушай, почему тебя все считают молчуном? – удивилась я.

– Потому что я хитрый. Ладно, Черник от нас никуда не денется, а с парнем надо решать, пока Нефедов не прознал о нашем интересе к своему чаду. Тогда мы с ним вряд ли увидимся. Я имею в виду отпрыска.

– Что ты о нем знаешь?

– С отцом не ладит. Мать в психушке уже два года, официальная версия – лечится в Швейцарии от какой-то хитрой болезни.

– Она действительно в Швейцарии?

– В соседней области. Неплохая клиника, говорят, стоит немалых денег. Парень закончил школу и теперь болтается без дела, хотя и в школе его видели нечасто. Все.

– Папаша, возможно, еще в офисе, стоит попытать счастья и наведаться к сыночку.

– Поехали, – кивнул Марк, и мы пошли к моей машине.

Особняк Нефедова выглядел впечатляюще. Зеленая лужайка, кусты роз, фонтан и двухэтажный дом с колоннами. Крыльцо с лестницей на две стороны со скульптурными львами у основания. Мы свернули к дому и переглянулись.

– Внутренний голос подсказывает мне, что проникнуть в этот домик будет совсем не просто, – заявил Марк.

– Ты же утверждал, что откроешь любую дверь, – хихикнула я.

– Допустим, открою. И что дальше?

Как раз в это время дверь открылась без стараний Марка, и по лестнице торопливо спустился парень в светлых штанах, рубашке нараспашку и кедах. Темные волосы взъерошены, выражение лица отсутствующее, точно парень о чем-то мечтал. Он свернул к деревьям у ворот, где стояла серебристая «Хонда». К ней парень и направился.

– Нам стоит поспешить, – сказал Марк, и мы припустились к машине. Парень открыл дверь, когда мы оказались рядом. Марк взглянул на него и сказал: – Разговор есть. – Парнишка испуганно потянул дверь на себя, пытаясь закрыть ее, и пробормотал:

– Вы кто? Я сейчас отцу позвоню.

– Обязательно. Только чуть позже.

Марк рванул дверь и рывкнул:

– Подвинься. – Что тот и сделал. Я устроилась на заднем сиденье и приветливо сообщила:

– Мы друзья твоего отца, так что все в порядке. Ты знаешь, что Алла погибла?

– Погибла? То есть какая Алла?

– Не отнимай у нас времени глупыми вопросами, – попросил Марк, парень принялся кусать губы и нервно оглядываться.

– Я буду говорить только в присутствии адвоката, – заявил он, мы переглянулись.

– С какой стати? Или это ты ее пришил?

– Вы что, с ума сошли? – перепугался он.

– Тогда забудь об адвокате и ответь на наши вопросы, – попросила я.

Нефедов-младший посмотрел на меня и сделал попытку улыбнуться.

– Я вас узнал. Вы были у меня на дне рождения с Игорем Николаевичем. Да? Мне шестнадцать лет отмечали. Помните, на яхте? У вас еще шляпу ветром унесло.

– Помню, – порадовала я. – Давай поговорим об Алле.

– Что с ней случилось? – проявил он интерес.

– Ее убили. – Я не могла решить, удивило его это сообщение, испугало или он был прекрасно осведомлен о случившемся.

– Убили? – переспросил он. – Когда?

– Вчера вечером. Ты ведь, кажется, неплохо ее знал?

– Знал. Ну и что? У нее мужиков как грязи. Мне это надоело, и я с ней завязал, неделю назад. У меня девчонка появилась. Может, не такая красавица, но с ней... в общем, она мне больше подходит.

– И вчера вечером ты был со своей девчонкой?

– Да. Папаша редко здесь ночует, дом в моем полном распоряжении. Если хотите, спросите у нее.

– Без надобности, – отмахнулась я. – Уверена, девушка подтвердит твои слова.

– Конечно. Мы вчера часов в семь приехали, утром я ее проводил...

– Ты сказал, мужиков у Аллы было много, – прикидывая, что бы еще такое спросить, начала я, но он меня перебил:

– Я сказал «как грязи». Шлюха она. Самая настоящая.

– Давно ты это узнал? – воззрившись на юного радетеля женской чистоты и непорочности, осведомилась я.

– Чего? – нахмурился он.

– Что в моем вопросе требует уточнения? – вытаращила я глаза. Парень моргнул, а Марк весело улыбнулся. Он считает, что у меня есть чувство юмора, я очень дорожу его мнением, потому что больше так никто не считает, и иногда просто из кожи лезу, чтоб ему понравиться. Но сейчас был не тот случай и он мог бы не соваться со своим хихиканьем. Я злобно взглянула по очереди на того и другого. Марк с умным видом поспешно уставился в окно, как будто там происходило что-то чрезвычайно для него интересное, а юноша изрек:

– А-а... Ну, давно.

– Значит, когда ты с ней познакомился, то считал, что она девушка скромная и... Кстати, где вы познакомились?

– Ладно, – вздохнул он, – я понял. Конечно, я знал, что она шлюха, ясное дело, если скачет с голой задницей. Но ведь и шлюха шлюхе рознь. Если ты заводишь себе парня, это к чему-то обязывает, верно? – С вопросом он обращался ко мне и требовал ответа, судя по горящему взору.

– Не знаю, – покачала я головой. – Я не заводжу парней. У меня слишком много работы.

– Шутка, – изрек Марк, оторвавшись от созерцания пейзажа. – На самом деле заводит. Меня, к примеру.

– Вы будете слушать, или я слова больше не скажу, – разозлился юноша, я тоже изобразила на лице гнев и погрозила Марку пальцем, а Игорю предложила:

– Валяй.

– Короче, мы не подошли друг другу.

– Потому что, кроме тебя, у нее были еще парни?

– Да. Алка просто помешалась на бабках. По-моему, ей было все равно с кем. Сначала мне нравилось, что на нее обращают внимание и вообще...

– Ты меня с ума сведешь, – начала я терять терпение. – Тебе то нравится, что она шлюха, то не нравится. Давай по порядку. Где вы познакомились?

– В клубе, – вздохнул он. – У моего дружка был день рождения. Я решил произвести впечатление и пригласил всех в клуб. Выпили, и тут как раз Алла со своим номером. И... мне захотелось...

– Выпендриться, – подсказала я, сообразив, что нужное слово он будет искать долго, а я уже сатанела от дурацких разговоров, с трех часов ночи одни разговоры, и что толку?

– Ну, выпендриться, – пробурчал он. – Она старше меня и в самом деле красивая. Я сунул ей деньги в трусы, а после выступления пошел к ней в гримерку. Вот так и познакомились.

– И стали любовниками?

– Нет, – с неохотой отозвался он. – Она вроде была не против, но как до дела доходило... Я же говорю, она самая настоящая стерва, ей нужны только деньги. А кому приятно чувство-

вать себя придурком, которого дразнят как собаку? Я перестал ей звонить, она тут же сама позвонила. Мы поехали на дачу, но там опять началась сказка про белого бычка. Я понял, что это пустой номер, и завязал.

– В течение недели, что вы расстались, она не пыталась увидеться с тобой?

– У нее появились дела поинтереснее.

– Какие?

– Вы у своих друзей спросите, – зло ответил он. – Вы ведь с папашей друзья, выходит, всех знаете, вот и поспрашивайте.

– Так, парень, – насторожилась я. – Вот сейчас настал самый любопытный момент нашего разговора. Кого из ее друзей ты имеешь в виду?

– Я же сказал, непонятно, что ли?

– Наверное, я не очень сообразительная.

– Узнайте, кто ей квартиру снимал.

– А ты знаешь?

– Догадываюсь.

– Так чего нам тогда мучиться и узнавать?

– Черник, – подумав, сказал он. – Между прочим, к ней и ваш Кондратьев ездил, Дед, как вы его зовете. Я сам видел.

– Что значит «видел»? Ты встречался с ним в ее квартире?

– Нет, конечно. Я во дворе был.

– Приступ ревности?

– Ну, приступ. Она ведь мне нравилась.

– Она нравилась тебе так, что ты торчал в ее дворе, разглядывая ее любовников? И бросил девушку, решив, что их слишком много?

– Кончайте остричь. Одно дело – когда к ней ездят все эти мужики и совсем другое – когда твой... – Он вроде бы подавился, такое было впечатление, покашлял и уставился на свои руки.

– Кого ты там застукал? Отца? – вздохнула я. Игорь не ответил, но мне его ответ был не нужен, и так все ясно.

– Когда это случилось?

– Пару недель назад. И вовсе я их не застукал, она мне сама сказала. В тот раз, когда мы на даче были, вдруг папаша нагрянул. Она и принялась перед ним хвостом мести. Просто противно. И он тоже хорош... Ну, старалась она не зря, он приехал в клуб, а потом к ней домой.

– Это она тебе сказала?

– Ага. Я пришел к ней, она стала меня выпроваживать и здорово злилась. Мне стало интересно, и я сказал, что никуда не уйду. Вот ей и пришлось рассказать. Потом я познакомился со своей девчонкой и про эту шлюху думать забыл.

– И больше с ней не виделся?

– Нет.

– И не звонил?

– Зачем мне ей звонить?

– Может, она тебе звонила? – По его физиономии стало ясно, я попала в точку, актером он был никудышным и знал об этом. Вздохнул и вновь сосредоточился на своих руках. – Когда она звонила?

– Вчера, – с неохотой ответил он. – Вечером.

– Время помнишь, приблизительно?

– Ну, мы пришли где-то в семь, стали телик смотреть, потом звонок... в восемь, может, в половине девятого.

– Как она объяснила свой звонок?

– Ничего она не объясняла. Просто сказала, что у нее выходной, что в квартире жарко и она ходит в одних трусах. Я ей посоветовал их снять, чтоб было прохладней. Она разозлилась, я ее послал, она услышала голос моей девчонки и стала приставать, с кем я и все такое, я ее опять послал, а она сказала... гадость, в общем. Она здорово разозлилась.

– Я не люблю гадости, – заверила я, изобразив соответствующую мину, – но тебе придется повторить, что она сказала.

– Зачем?

– Пока не знаю, но это может быть важным.

– Чушь, она просто разозлилась... Сказала, что смеялась надо мной и звала к себе, чтоб увидеть, какие у нас будут лица...

– У кого у вас? – Он с удвоенным усердием занялся своими руками. – Мне что, слова из тебя клещами тянуть? – нахмурилась я. – У нее был твой отец в тот момент? Она что, при нем звонила?

– Нет. Он должен был приехать.

– Ясно. Она не сообщила, во сколько?

– Нет. Спросите у отца.

– Обязательно, – буркнула я. – А ты случайно не поехал к ней, чтобы доставить папе удовольствие?

– Очень мне надо. Я был со своей девчонкой. И я совсем не ревновал. Она шлюха, понимаете? Она спала с моим отцом, и ей очень нравилось дразнить меня. Может, кого-то это заводит, но я послал ее к черту.

– Понятно. Спасибо за содержательную беседу.

– Пожалуйста, – ответил он, взглянув на Марка.

– Что скажешь? – спросила я, направляясь к своей машине.

– Он вполне мог ее убить. А что? Пришел, чулок на шею... И все эти надписи и разложенные по простыне кишки в стиле нынешней молодежи.

– Перестань паясничать.

– А я не паясничая. Я в самом деле так думаю. Другой вариант – девку придушил папаша. Если она не врала, он должен был вот-вот объявиться. Допустим, часов в девять, в половине десятого, а кончина наступила около одиннадцати. По времени подходит. У меня только два вопроса: с чего папаше вдруг вздумалось ее придушить, опять же кишки...

– Какие кишки? – рассвирепела я.

– Те самые. Трудно представить господина Нефедова, орудующего кухонным ножом. Ведь девку потрошили кухонным ножом, так?

– Если верить Волкову...

– И никаких отпечатков пальцев?

– Никаких. Ни на ноже, ни в самой квартире.

– И это в жилище девки, где, судя по словам близких покойной, мужики табунами ходили. Неужели ни одного пальчика?

– Отстань от меня. Думаю, Волков на потолке проверить не поленился. Так что вывод один: кто-то хорошо убрал в квартире. И дверь оставил приоткрытой, чтоб девушка не лежала в одиночестве несколько дней кряду, теряя былую красоту.

– Вот-вот. А как тебе близкое знакомство Деда с покойной? Или для тебя это вовсе не новость?

– Новость, которая не стала неожиданностью, – ответила я, заводя машину.

– Беседуя с тобой, я начинаю ощущать недостаток образования. Ну так что с пацаном? Тряхнем немножко или для начала разживемся высочайшим соизволением?

– Чем протирать штаны рядом со мной, лучше бы занялся Черником, – разозлилась я. Марк прикинулся обиженным.

– Ты не говорила, что я должен бегать за ним лично. Я думал, тебя интересуют результаты. Они будут. Если, конечно, Черник не засядет, по обыкновению, в офисе на двадцать четыре часа. Кстати, он тоже подходит на роль убийцы. Если не считать кишок. Дурацкие кишки не лезут ни в какие ворота.

– Это точно, – вынуждена была признать я чужую правоту, хотя и не люблю делать это по идейным соображениям. – С кухонным ножом трудно представить и папашу Нефедова, и нашего Черника. Тот, конечно, истерик и уж очень напуган, но... Скорее парнишка, насмотревшись фильмов о маньяках, мог устроить девичьей карьере эффектный финал.

– Тряхнем мальчика? – предложил Марк.

– Тряхнем Черника. Чтобы так психовать, как он, нужны причины. Очень может быть, что он вовсе не отдыхал ночью в своей постели и видел нечто весьма интересное.

– Мудро. Черник в роли маньяка мне нравится гораздо больше, чем лучший друг Деда Нефедов и его сынок. Ты не хочешь позвонить нашему хозяину, перед тем как делать резкие движения?

– Когда Дед решит, что время пришло, позвонит сам.

– Только не вздумай отключать телефон. Я почти уверен, звонок поступит с минуты на минуту.

Марк мог бы гордиться своей проницательностью, потому что телефон действительно зазвонил. Но, услышав голос в трубке, я, глядя на его довольную физиономию, лучезарно улыбнулась, и мой приятель сразу сник, а я почувствовала моральное удовлетворение. Звонил Волков.

– Новости есть? – спросил он устало.

– Девчонка была всеобщей подружкой, – поделилась я наболевшим.

– Сколько знакомых фамилий ты услышала?

– Три. Одна повторена дважды.

– А... сыночек. Что я тебе говорил? Может, нам лучше поискать маньяка? Нормального серийного убийцу, какого-нибудь бывшего педагога...

– Волков, не тяни из меня жилы, – разозлилась я.

Он устало вздохнул и заявил:

– Есть свидетель, который около часа ночи видел темный «Мерседес» в трех шагах от дома.

– Номер запомнил?

– Нет.

– Тогда что ты мне голову морочишь? Темных «Мерседесов» в городе сколько угодно.

– Только не такой, как этот. Парень – любитель машин и описал его довольно подробно.

– Что можно разглядеть в час ночи?

– Многое. Конечно, все это ерунда, я просто хотел уточнить: Дед действительно заинтересован в том, чтобы мы нашли убийцу?

– Не валяй дурака. Девку убили около одиннадцати, так какого хрена Деду до часу торчать в ее квартире?

– Логично, я тоже так думаю – нормальный убийца поторопится унести ноги. А если убийца что-то искал? И на то, чтобы произвести вскрытие кухонным ножом, нужно время. Много времени. А еще отпечатки пальцев, которые надо уничтожить...

– Для начала я бы на месте убийцы проверила, не уронила ли случайно визитную карточку...

– Ладно, не кипятись, – сказал Волков. – Я нервничаю, что вполне объяснимо. Держи меня в курсе.

– У меня ничего интересного, кроме имен, которые ты и так знаешь. На сегодня я закругляюсь, еду домой спать.

- Тогда спокойной ночи, – ласково пропел он, и мы простились.
- Где тебя высадить? – спросила я Марка.
- Может, пригласишь меня к себе? В конце концов, у тебя свободный вечер.
- Вот именно. Так где тебя высадить?
- На ближайшей остановке, – хмыкнул он. – Слушай, Детка, а с кем ты трахаешься?

Страшно интересно.

- Марк, ты придурок.
- Ничего подобного. Я за тебя переживаю, потому что уверен: парня у тебя нет, я ж приглядывал. Выходит, у тебя проблемы.
- Ничего подобного, – передразнила я.
- Дед страшно ревнив и держит тебя на коротком поводке? А говорила, что с ним все кончено.
- Тебе говорила?
- Угу.
- Наверное, в беспамятстве. Выметайся, вон ближайшая остановка. И вообще, ты очень много болтаешь.

– Слышала поговорку: с кем поведешься, от того и наберешься. Вот я от тебя и набрался. Недавно мне сказали, что у меня есть чувство юмора.

– В такое трудно поверить. Ты выйдешь наконец или тебя выбросить из машины? – вздохнула я, созерцая его клоунскую улыбку. Марк иногда умел здорово действовать на нервы, вот как сейчас.

- Ответ на один вопрос, и я сразу же испарюсь.
- Ладно, давай свой вопрос.
- Я его уже задал.
- Должно быть, я не расслышала.
- Ты спишь с Дедом и не смотришь по сторонам?
- Знаешь анекдот про золотые руки? – Марк радостно фыркнул, а я устало заметила: – Выметайся. И перестань болеть обо мне душой. Необходимую гормонотерапию я получаю регулярно, так что в твоих заботах не нуждаюсь.

– Мне всю жизнь не везет, – грустно отозвался он и наконец-то выбрался из машины. Я поехала домой, размышляя по дороге, не о предложении Марка, конечно, хотя оно было довольно занятным, а о недолгой, но бурной жизни Аллы Дмитриевны Кудриной. Волков прав, следовало уточнить у Деда: действительно ли мы ищем убийцу или только делаем вид? В общем, мне-то без разницы, но следует определиться, не то я от избытка энтузиазма черт-те чего накопаю, и что потом прикажете делать? Я свернула к своему дому и порадовалась за генерала, который опять был на боевом посту.

Я приготовила ужин, съела его в одиночестве и праздных мыслях и завалилась на диван, прикрыла лицо журналом, с намерением подремать, так как ложиться спать, по моим представлениям, было еще рано. Мысли мои были чисты и безмятежны, но так продолжалось недолго, потому что зазвонил телефон. С большой неохотой я сняла трубку и услышала женский голос, который поначалу не узнала.

- Это Ольга, да? – спросили испуганно на том конце провода.
- Это Ольга, – не стала я возражать.
- Вы мне визитку оставили сегодня, помните? В «Пирамиде»? Меня зовут Инесса... – Ага, высокая красавица, вызвавшая у меня чувство собственной неполноценности с последующей депрессией.
- Что-нибудь интересное вспомнили? – не очень-то рассчитывая на это, спросила я.

– Да, то есть нет. Ольга, вы могли бы приехать в клуб? Прямо сейчас. У меня еще один выход, а потом...

– Слушайте, вы только что ответили на мой вопрос взаимоисключающими словами. Так вы вспомнили что-то интересное или нет? Если нет, на кой черт мне среди ночи тащиться в клуб?

– Я... я не знаю, важно это для вас или нет... Ольга, мне надо посоветоваться, у меня... Я боюсь говорить по телефону. И я не знаю, что мне делать. Понимаете, мне не с кем посоветоваться. Если я скажу в милиции, боюсь, будет только хуже. А вы... вы ведь женщина, в конце концов.

– В общем, да, – согласилась я без охоты.

– Я сегодня вела себя неправильно, надо было по-другому, я вам не понравилась... Вы приедете?

– Придется. Было бы просто отлично, намекни вы мне, о чем хотите поговорить.

– Я боюсь.

Она и вправду боялась, это чувствовалось даже по голосу.

– Хорошо, я буду через двадцать минут. Устроит?

– Да-да, у меня номер... – Она повесила трубку, не успев договорить.

– Ну и манеры, – вздохнула я и побрела переодеваться.

Не очень-то я рассчитывала узнать от нее что-нибудь полезное. Хотя как знать, девчонка напугана, опять же мое любопытство требовало действий, и я поехала в клуб. Однако, немного поразмышляв по дороге, пришла к выводу, что рваться по первому зову дамы в беде довольно глупо. Если конкуренты копают под Деда и свихнулись настолько, что орудуют кухонными ножами, я могу легко попасть в неприятную передрагу. Звонок, кстати, выглядит довольно подозрительно.

Наплевав на свое хорошее воспитание, я позвонила Волкову. Он уже спал и звонку не обрадовался, но, когда я втолковала ему что к чему, смог проснуться окончательно и пообещал, что встретит меня возле «Пирамиды». Конечно, он опоздал, и в ночной клуб мы вошли не через двадцать минут, как я обещала, а через полчаса. Я хотела подняться на второй этаж, где были гримуборные, охранник вежливо спросил, куда я направилась, я объяснила, и он, прислушавшись к музыке, доносившейся из зала, сообщил:

– Вы ее наверху не застанете, сейчас ее номер. – И чуть приподнял тяжелую портьеру, закрывающую проход в зал.

– Волков, идем смотреть стриптиз, – позвала я. – Только не говори, что ты не рад.

Он состряпал злобную физиономию, давая понять, как устал от этого мира и от меня в частности, а я подхватила его под руку и потащила к эстраде, оформленной без особого вкуса, но роскошно.

В настоящее время в глубине сцены трудились две девушки в остатках того, что напоминало школьную форму, но Инессы среди них не было. Я собралась было вернуться к охраннику и порадовать, что пошутить я тоже очень люблю и под настроение так могу расшутиться, что кое-кто вылетит с работы, но в этот момент свет вспыхнул ярче и я увидела Инессу. В блестящем платье, похожем на змеиную кожу, она была так хороша, что я ненадолго замерла и не сразу заметила, что Волков нашел свободный стол в углу и устроился за ним.

– Она красавица, – садясь рядом, сделала я ценное замечание.

– Так это она звонила? На испуганную насмерть она не похожа, – буркнул он. Инесса как раз освободилась от платья и теперь была в купальнике в сине-желтых разводах. Ее сходство со змеей только усилилось. Волков хмуро оглядывался, совершенно игнорируя сцену.

– Чего ты высматриваешь? Ты можешь хоть на минуту расслабиться?

– Не могу. Я старый человек, и мне тяжело это видеть.

– Тяжело видеть красивую женщину?

- Отправить бы их в совхоз, картошку копать, и то больше пользы.
- Я фыркнула, а Волков поднялся.
- Пойду покурю.
- Кури здесь.
- Нет уж, я на свежем воздухе.

Под моим насмешливым взглядом он покинул зал. Между тем Инесса сорвала аплодисменты очень эффектным трюком с бюстгальтером, потом и вовсе избавилась от него и начала извиваться, стоя спиной к зрителям. Вдруг она замерла, напряженно вытянувшись с поднятыми вверх руками, и весь зал замер вместе с ней, ожидая чего-то необыкновенного, и оно явилось, как по заказу: раздался странный звук, похожий на шелест крыльев, и прямо под ее левой лопаткой оказался нож. Точнее, я увидела рукоятку ножа, которая нахально торчала из-под ее лопатки. Девчонка, не издав ни звука, плавно начала опускаться и, только когда до пола оставалось всего несколько сантиметров, упала, некрасиво и страшно, а публика продолжала ошалело молчать и таращиться на сцену, потому что, как и я поначалу, не поняла: это что, номер такой?

Но это был не номер, к великому сожалению. Я вскочила, заорала «Волков!» и кинулась к эстраде, расталкивая граждан, которые успели прийти в себя и теперь бестолково метались по залу. Девушки на сцене закричали и бросились врассыпную, граждане в зале ответили им дружным визгом, так что, когда я пробралась к Инессе, вокруг творилось что-то невообразимое.

Я приподняла голову девушки, глаза ее были широко распахнуты, но было ясно: она мертва.

- Что? – проорал мне на ухо Волков, плюхаясь рядом на одно колено.
- Как видишь.
- О черт, выходит, мы опоздали...
- Вызывай своих, – в ответ проорала я и бросилась к кулисам.
- Куда? – рявкнул Волков, но я предпочла сделать вид, что не услышала. Я выбралась в коридор, где тоже бестолково метались граждане, и увидела охранника, с которым разговаривала десять минут назад.

– Давай со мной наверх.

Должно быть, он совсем растерялся от царившей вокруг суматохи, потому что повиновался мне без вопросов.

На втором этаже было тише, но присутствующие, в основном девушки, которые здесь работали, тоже приготовились паниковать, хотя еще толком не знали, что произошло. Откуда-то возник Геннадий Сергеевич, я ухватила его за локоть:

- Где уборная Инессы?
- Вон там, – растерянно ответил он, ткнув пальцем в третью дверь слева, и я рванула туда, торопя охранника:
- Да шевелись ты.

Комната оказалась не заперта, что очень облегчило мне жизнь. Распахнув дверь, я сказала парню:

- Пока я здесь, в коридор никого не пускай, никого. Понял? Если надо, пальни для остротки.
- Да у меня и оружия-то нет, – перепугался он.
- Тогда перегрызи врагам горло. Если мне кто-нибудь помешает, считай свою карьеру накрывшейся медным тазом. – Последние слова я уже кричала, захлопнув за собой дверь.

Комната была маленькой, без окна. В левом углу зеркало и стул перед ним. Справа ширма. Рядом тумбочка. Ее я проверила первой. Масса всякой ерунды и ничего интересного. За ширмой на вбитых в стену гвоздях висели на плечиках два сценических костюма. Искать здесь что-либо – пустая трата времени. Так, дальше – шкаф. Плащ, костюм, сумочка... В

сумочке кошелек, пудреница и штук двадцать презервативов. Занятно, но за это не убивают. Я обшарила шкаф и вскоре нашла то, что искала: коробку из-под обуви, втиснутую в нижний ящик и прикрытую какими-то тряпками. В коробке лежали туфли (довольно потрепанные), а под ними, точнее, под тонкой белой бумагой, два конверта.

– Господи, какая же она дура, – пробормотала я, качая головой. – Неужто она всерьез считала, что это надежный тайник?

Я вскрыла первый конверт: тысяча долларов стодолларовыми купюрами. Я очень удивилась, то есть удивляться тут было нечему, но, выходит, я ошиблась и девчонка просто прятала здесь свои сбережения. Содержимое второго конверта вызвало у меня зубовой скрежет. Знакомый почерк: «Аллочка, котенок, жду тебя с нетерпением. Твои бриллианты ждут тебя вместе со мной». Подпись: «Игорек».

– Козел ты старый, – прокомментировала я, – еще бы расписался и девкину фамилию заодно поставил.

Записок было шесть штук, из чего я заключила, что страсть Деда к погибшей Алле была бурной и длилась довольно долго. На всякий случай я еще немного порылась в чужих вещах, но без всякого толку. Я сунула конверт с записками в карман, подумала и прихватила второй конверт, затем носовым платком протерла ручки шкафа и тумбочки, скорее из принципа, нежели из опасений, и удалилась.

Охранник стоял столбом возле двери.

– Менты уже здесь? – спросила я.

– Нет, кажется, – ответил он испуганно.

– Ну, значит, сейчас появятся. Само собой, ты меня здесь не видел.

Я бегом спустилась по лестнице. Внизу страсти понемногу утихали. Дамы клацали зубами и жались к кавалерам, кавалеры обнимали дам, сурово взирая на мир. Волков принял на себя обязанности командира и выглядел злым как черт.

– Ну что там? – прорычал он мне, правда негромко, стараясь не привлекать к нашему разговору внимание общественности.

– Там полный порядок. А что здесь?

– Уйди с глаз моих, без тебя тошно.

– Меня же не выпустят, – широко улыбнулась я, что Волкову, само собой, не понравилось. – Откуда бросили нож, как думаешь? – оглядываясь, спросила я.

– Вон из того коридора. Кто-то стоял за портьерой. Черт, я, когда мимо проходил, ведь почувствовал, кто-то там стоит, нет бы голову повернуть...

– А куда ты шел?

– В туалет, – буркнул он.

– Значит, убийца стоял за портьерой? Расстояние приличное. Парень профессионал... По крайней мере, ножиком балуется часто. И хорошо знаком с местным репертуаром.

– А это еще почему?

– Потому что, друг мой Волков, расстояние действительно приличное, девица вертелась как заведенная, а ведь надо не просто попасть в цель, надо, чтоб девонька скончалась, словечка не вымолвив. Он выбрал момент, когда она замрет спиной к гражданам, представляя собой отличную, то есть неподвижную, мишень.

– Возможно, – кивнул Волков, взглянув на меня с большей приязнью.

Тут двери распахнулись настежь, и в зале появились стражи порядка. Подмигнув Волкову, я удалилась в тень, в том смысле, что предпочла устроиться на стуле в уголке, дабы не мешать людям выполнять свои обязанности. Ничего интересного я от их появления не ждала: наверняка никто ничего не видел и не слышал. Примерно так и вышло. Одна дама заметила Волкова, когда он выходил в туалет, но не заметила, как вернулся, остальные вообще тарасились на сцену, что вполне естественно. Мне тоже задали вопросы, и я ничем не порадовала

следователей. Протомилась на своем стуле до самого рассвета, после чего последовало разрешение отправиться по домам.

Дома я бросила конверт на диван, доллары меня в настоящий момент не интересовали, а вот записки я прочитала. В общем, ничего особенного, убивать за это глупо. Моральный облик народного избранника явно прихрамывает (кое-какие слова и выражения могли шокировать престарелых избирательниц, но подросткам наверняка бы понравились). Впрочем, Дед у нас вдовец и мог себе позволить... Правда, упоминались дорогие подарки (а Дед у нас известный бесребреник, в одном костюме третий год ходит, в основном перед журналистами), конкуренты радостно завизжат: вот куда уходят деньги стариков и сирот: на продажных девок. И все же не верилось мне, что девчонок убили из-за записок. Припугнули бы, денег дали... Вот, кстати, и деньги. Тысяча баксов – приличная сумма за подростковые сочинения Деда, больше я бы из принципа не дала.

Я услышала, как подъехала машина, и подошла к окну. Волков поднял голову, мы встретились взглядами, и я послала ему воздушный поцелуй, а он с досадой плюнул. Я пошла открывать дверь и, когда он вновь предстал моим очам, шепнула:

– Как я рада, милый.

– Надо требовать прибавки, – хмыкнул он, – за то, что приходится видеться с тобой так часто.

– Я могу снабжать тебя молоком за вредность. Идет?

– Лучше коньяка налей, – буркнул он, усаживаясь на диван, посмотрел на конверты и вновь принялся бурчать: – Деньгами не разбрасываются... А это что?

– Взгляни, – кивнула я, устраиваясь рядом с коньяком и рюмками.

– Это лежало в ее комнате? – спросил Волков. Было заметно, что валять дурака ему расхотелось.

– Конечно. Где еще я могла бы это раздобыть?

– Ты уже звонила Деду?

– С какой стати поднимать его среди ночи?

– Послушай... – опять разозлился Волков, но я его перебила:

– Дед сказал: найти убийцу. Давай найдем его.

– Его машина возле дома убитой той ночью, а теперь еще эти записки... Ты же понимаешь...

– Мы должны найти убийцу. Только по этой причине я тебе и демонстрирую свои находки. И рассчитываю на взаимность, то есть на ответную откровенность.

– Не зря у меня с прошлой ночи зубы ноют, – пожаловался он.

– Ага. Предчувствия тебя не обманули...

– Ладно, давай прикинем, что мы имеем. – Волков выпил, поставил рюмку на стол и повернулся ко мне. – Девка крутит любовь со всеми нашими шишками.

– Причем одна такая шишка из конкурирующей фирмы.

– Дед писал эти записочки, а девка их коллекционировала, смекнув, что на них можно заработать. Так?

– Допустим.

– Она прячет их у подруги и приступает к военным действиям. Однако вместо денег получает чулок на шею...

– И в ту же ночь возле ее дома видят машину Деда. Логично предположить, что у них была назначена встреча.

– Логично. Девчонка скончалась, и тогда ее подруга решает подзаработать на этих записках.

– Это если она дура стоеросовая, а Инесса производила впечатление умудренной опытом гражданки.

– Тогда что произошло, по-твоему?

– Ответ напрашивается сам. Если убили из-за этих записок, то убийца, не обнаружив их в доме убитой, предположил, что они могут находиться здесь, и заведение сегодня посетил. Напуганная его визитом, Инесса звонит мне, мы приезжаем, но убийца нас опередил, однако забрать записки ему что-то помешало. Для того, чтобы разделаться с девчонкой, он воспользовался ножом. Несколько необычно, ты не находишь?

– Почему? – пожал плечами Волков. – Напротив. От пистолета пришлось бы избавляться, опять же, как-то надо пронести его мимо охраны, а нож штука удобная, если умеешь им пользоваться.

– Вот-вот. Отчего не дожидаться девчонку в переулке после выступления, не проломить бедняжке голову, свистнув при этом сумку...

– Возможно, у них не было времени.

– Хочешь сказать, кто-то узнал о ее звонке ко мне? Лично я склоняюсь к мысли, что убийца тяготел к эффектам. В самом деле, получилось зрелищно. И круг подозреваемых сразу очерчивается, разве нет? Вот я, к примеру, управляться с ножом не могу. А ты?

– Только на кухне.

– Правильно. А кто может?

– Да кто угодно, – фыркнул Волков.

– И здесь ты прав, но мне на ум первыми приходят ребяташки из охраны Деда, все как на подбор бывшие спецназовцы. Уж их-то, поди, ножами швыряться учили.

– И чему ты радуешься? – опять разозлился мой верный друг и товарищ. – Налицо и мотив, и возможность совершить убийство, теперь уже два убийства, и даже свидетель есть, видевший тачку.

– Я бы и не радовалась, если б не была уверена: все это чепуха и злостное запудривание мозгов. Хозяйскую ласку я ценю и тружусь на совесть, оттого и нашла эти записочки. А что мешало убийце поступить так же? Особенно если он из охраны Деда?

– Конечно, – согласно кивнул Волков после непродолжительного раздумья. – Если все дело в записках, почему их не взяли?

– Рассчитывали, что их найдут твои друзья-менты и у них будет мотив.

– Выходит, это происки конкурентов? – хмыкнул Волков. – Тогда можешь спать спокойно: убийцу не найдем. Это наемник, и как его прикажешь искать, если с жертвой его ничего не связывает?

– Придется расстараться. Кто девок резал, может, для Деда не так и важно, но вот кому это понадобилось, его наверняка интересует очень и очень. А он нам деньги платит не только за красивые глаза и ждет ответной любви.

– Своих врагов он лучше нас знает, – опять принялся ворчать Волков.

– Само собой, однако надо установить, который из них все это затеял, припереть его к стенке и успеть все это сделать до выборов.

– Ой как зубы-то ноют, – прополоскав рот коньяком, пожаловался мой друг.

– Хочешь, я тебе кое-что занятное скажу, чтоб настроение улучшить? Вполне возможно, мы будем искать конкурентов, которых еще нет. То есть их по ходу пьесы придется изобрести.

Волков скривился, глядя на меня, должно быть, в отчаянии от непосильной умственной нагрузки, а потом тяжело вздохнул. За что я его ценила, соображать он мог быстро, когда хотел. Вот и сейчас не подвел.

– Двойная игра, – изрек он. – Есть убийство, есть улики, которые указывают на определенного человека (Волков так уважал руку, его кормящую, что все даже имени не произно-

сил), улики настолько явные, что поневоле закрадываются сомнения... к тому же есть люди, которым выгодно этого человека уничтожить. При известной сноровке мы их находим...

– И освобождаем Деда от неприятных людей.

– Лучше б ты свои догадки держала при себе, – пожаловался Волков, – мне даже думать не хочется...

– А ты не думай, главное, двигайся. Дед желает получить убийцу, нам надо его отыскать. Давай сосредоточимся на этом, а все остальное пусть горит синим пламенем.

– Тебе хорошо говорить, – принялся бубнить Волков, – а мне что прикажешь? Одно дело – закрывать глаза на кое-какие... ну, ты понимаешь, и совсем другое – два трупа. И все это из-за паршивых выборов?

– Это неверная точка зрения, к тому же не отражающая позицию борца за народные голоса. В оригинале это должно звучать так: выборы и два паршивых трупа...

– Завтра пойду к зубному врачу, нет сил терпеть. – Волков поднялся с дивана и побрел к двери.

– Ты так и не рассказал мне ничего интересного, – крикнула я вдогонку.

– Нет ничего интересного, никто ничего не видел, ничего не слышал.

– Это нормально, – согласилась я, внизу хлопнула дверь, а потом завелась машина.

Я подумала и набрала номер Марка. Несмотря на поздний, точнее, ранний час, судя по голосу, он был бодр и свеж и готов к новым свершениям.

– Тебе стало одиноко, и ты вспомнила обо мне, – ласково прошептал он.

– Одиноко стало одной девушке с ножом под лопаткой.

– А звать девчушку как?

– Инесса.

– Чего ты хочешь?

– Вообще-то узнать, кто швырнул ножичек, но, догадываясь, что твои способности весьма посредственны, ограничусь исключительно простым заданием. Как только менты уберутся из «Пирамиды», отправляйся туда со своими мальчиками и встряс души из тамошних придурков. Инесса мне звонила, просила приехать. Кто-то в течение вечера успел здорово напугать девчонку. Явился сам или звонил, не знаю, но он должен был себя проявить.

– А если не являлся, если он, к примеру, сидит там безвылазно, потому что ему так положено?

– Тогда выясни, в какой момент у девчонки сменилось настроение и что этому предшествовало. Кто, когда, в каком месте находился и кто это может подтвердить. Скажи парням: тому, кто что-то накопает, премия в тысячу баксов.

– Плохая идея. Начнут фантазировать.

– Тогда просто премия, пусть фантазия разыграет насчет ее размера. У людей должен быть стимул.

– А у тебя есть тысяча баксов?

– Главное, что она найдется у Деда, – ошастливила его я.

Утром я встала пораньше и отправилась в ванную. На некоторое время я замерла перед зеркалом и принялась изучать свою наружность с целью ее возможного усовершенствования. Мне хотелось отбить у людей охоту болтать налево-направо о моем алкоголизме.

Через полчаса я стала нравиться себе значительно больше, моя помятая физиономия приобрела буйно-оптимистическое выражение, что Деду должно было понравиться. Я отправилась к нему, не позвонив. В этом был хитрый умысел: свалившись как снег на голову, я лишу старого змея возможности избежать встречи со мной.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.